

НАИЛЬ
АКЧУРИН

КРЕПОСТНЫЕ МАСТЕРА

РОМАН

Наиль Акчурин

Крепостные мастера. Роман

«Издательские решения»

Акчурин Н.

Крепостные мастера. Роман / Н. Акчурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838873-6

Роман в двух книгах «Крепостные мастера» посвящен времени окончания «Советского периода» и начала «Перестройки». В романе рассказана история создания научно-исследовательского института — флагмана авиационного приборостроения. Особое место в романе уделено противостоянию Советского Союза и Запада. В первой книге «Шестидесятники» резидент английской разведки начинает свою работу в условиях жесточайшего контроля со стороны работников КГБ. Все события романа имели место быть...

ISBN 978-5-44-838873-6

© Акчурин Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Крепостные мастера Роман

Наиль Акчурин

*Посвящаю памяти моего учителя и друга, моего дяди Муртазина
Хафиза Махмудовича*

*Настоящее бывает следствием прошедшего.
Н. М. Карамзин 1811 г.*

*Русским нужен кнут – такова их натура.
Российская императрица
Александра Федоровна 1916 г.*

© Наиль Акчурин, 2017

ISBN 978-5-4483-8873-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В конце семидесятых годов двадцатого столетия Великая Российская Империя – Союз Советских Социалистических Республик – переживала одну из последних страниц коммунистического расцвета. На необъятных просторах земли, наперекор судьбе, человек окончательно и полностью построил новое «равноправное» общество – общество развитого социализма. Он строил его, принося немыслимые, невосполнимые жертвы ради великой идеи, ради блага всего человечества.

В дымке вековых строек ковался негибимый дух человека новой формации. Он никогда не просил милостыню у природы. Он брал у нее, точно зная, где, все без остатка. Он покориł целинные земли и создал орошаемые системы земледелия, первым полетел в космос, остановил гидроэлектростанциями быстрое течение рек и дал электричество в каждый отдаленный уголок страны. Он построил железнодорожные магистрали и сеть автомобильных дорог. Он победил в кровопролитной войне и полностью восстановил народное хозяйство. Во всем всегда старался быть первым: в науке, спорте, искусстве, демонстрировать всему миру свои достижения и скрывать недостатки. Он не хотел, чтобы были богатые, подразумевая, что состояния честным трудом не зарабатываются. Он жил скромно, по средствам, подкармливая всех коммунистов земного шара. Их становилось с каждым годом все больше и больше, и матушка Россия, при всей своей щедрости и богатстве, такого альтруизма не выдерживала. Государственная экономика, основанная на энтузиазме масс, утопической идее равенства и обезличенном, принудительном труде, начала подавать первые признаки болезни. Когда выпускаемая правительством денежная масса не обеспечивалась необходимым товаром. И тогда в жестоком зеркале правды неожиданно стали появляться грустные гримасы вселенского эксперимента.

Причины начинающегося упадка еще долго будут обсуждать теоретики коммунизма, использовать в своих целях «думающие о народе» политики. Для простого же обывателя постулат «окончательно и полностью» означал лишь одно, что после грандиозного строительства пора и передохнуть. Советский человек по праву это заслужил...

Страна советов под аплодисменты и единодушные решения партийных собраний жила, отгородившись от всего мира, на одной шестой части суши земного шара, и уныло слушала старческий маразм своих правителей. Но над болотным омутом застоя уже появился легкий, живительный бриз, предвещающий глобальное переустройство общества. Он зарождался в душах людей помимо их воли и сознания. Ибо переустройство, реформирование, стремление к совершенству обусловлено самой природой человека.

Глава 1

Заоблачный ответ

Александр Григорьевич Кридин подъехал на своем новом автомобиле к высотному мраморному зданию научно – исследовательского института ровно за пять минут до начала рабочего дня. Он проделывал это каждый день (не считая отпуска) со свойственным ему шиком – въезжал на автостоянку перед главной проходной института на большой скорости, так чтобы при повороте с автомагистрали слышался свист резины, от которого в испуге разбежались многочисленные сотрудники, спешащие к положенному часу на службу. Женщины с визгом и наигранным возмущением грозили Кридину кулаками, но при этом не забывали приветливо улыбаться лихачеству преуспевающего, еще довольно молодого человека. Александр Григорьевич, небрежно хлопнув дверью, закрывал автомобиль, в ответ так же улыбался, мило раскланивался в приветствии и вливался в общий многочисленный поток лиц, голосов и характеров.

Вообще-то Александр Григорьевич жил неподалеку, и на его месте любой здравый человек, несомненно, ходил бы на работу пешком, но не каждый же мог так лихо подъехать на новой бежевой шестерке, демонстрируя свою уверенность. Однажды завистливые сотрудники вылили на его машину вишневый компот, заметно подпортив автомобильную краску, но даже это не остановило Кридина в желании демонстрировать свое превосходство. И он принципиально подъезжал к институту на автомобиле.

Его светло – серый костюм австрийского производства придавал фигуре элегантность и изысканность. Красивое лицо, уверенная походка выдавали баловня судьбы. Александр Григорьевич и не старался кого-то в этом разуверить. Потому как и сам в душе считал себя полноправным хозяином жизни.

На улице, играя бликами витражей, светило нежное майское солнце, легкий, веселый ветерок, свежая листва молодых тополей, вселяли в сознание радость нового светлого дня и приближения долгожданного лета. Переступая порог института, подчиняясь суе и движению людей, привычным световым вспышкам и громким хлопкам электронной проходной, Кридин почувствовал рабочий ритм понедельника. И хотя был человеком передовых взглядов и несгибаемым атеистом, понедельники не любил. В сознании прочно устоялось: понедельник день тяжелый.

Что за чушь? Говорил он сам себе. И все же предпочитал по понедельникам брать отгулы, работать до обеда или отсиживаться на совещаниях, которых всегда было достаточно.

Еще лет десять тому назад он пытался спорить с судьбой и, бросая ей вызов, с головой погружался в работу. Но с годами понял, что это бесполезно – результатов никаких, одна суета и как следствие нервная возбудимость. Поэтому он стал по понедельникам притормаживать на крутых виражах жизни, научился брать у судьбы необходимые реабилитационные паузы для восстановления душевных и физических сил. И от применения этой незамысловатой житейской философии испытывать не меньшее удовольствие, чем от успехов в работе.

С этим чувством, он миновал проходную, озаренную лозунгом «Творческих Вам успехов», поднялся на лифте на четвертый этаж, не забыл улыбнуться табельщице, расписываясь в журнале регистрации. Затем, обмениваясь в коридоре рукопожатиями с уважаемыми коллегами, дошел до 414 комнаты, дверь которой в это время была открытой. Прошел между рядами столов и оглядел сотрудниц (любаясь поочередно каждой), со сдержанной улыбкой сказал, суетившимся, в преддверии рабочего дня, коллегам: «Привет», и уселся в свое рабочее кресло.

Эту комнату три года тому назад он «с пеной у рта» отвоевывал у начальства для своего сектора. При переезде отделения в новый корпус, отделу полагались две комнаты, одна изолированная, а другая на совместное существование двух секторов. Саша никогда не жил в ком-

мунальной квартире, но его богатое воображение вырисовывало не радужные перспективы, поэтому он всеми правдами и неправдами независимость сектора отстоял. Они получили комнату площадью шестьдесят квадратных метров с большим витражным окном. Правда выходило оно на внутренний двор. Пейзаж цеховых новостроек и крестов еврейского кладбища на косогоре мало чем одухотворял. Но Кридин, как альтернативу раскаляющимся от солнечного зноя комнатам с видом на оживленное шоссе, выбрал именно эту комнату с ее сумрачностью и неприятным соседством с пассажирским лифтом. Честно говоря, он прежде всего не хотел, чтобы сотрудники соседних отделов и секторов могли беспрепятственно изучать деятельность его подчиненных: просматривать чертежи и документацию, разложенную на столах, слушать его наставления и телефонные переговоры с заказчиками, делать орг. выводы и распространять по институту различные слухи. Сам он в последнее время в лучшем случае часа два в день уделял внимание кропотливой бумажной работе. Все больше тратил свою неумную энергию и организаторский талант для воплощения в жизнь многообразных идей в институтских цехах и «высоких» кабинетах.

Предметом занятий Александра Григорьевича, на протяжении последних пяти лет, было: получение прибыли, обеспечение занятости людей, распределение премиального вознаграждения по итогам работы за квартал. Он работал начальником технологического сектора. Но вот на прошлой неделе фортуна сделала крутой вираж – совсем для него неожиданно вышестоящее начальство заметило существенные недостатки в его работе по руководству сектором и предложило ему оставить пост начальника и стать вновь ведущим инженером.

Как там у них все просто. За пять лет руководящей работы он многое успел забыть и в правильном выборе режимов резания инструмента, и в написании технологических процессов, и в повседневных лабораторных исследованиях, мозги давно уже перестроились на административный лад. Но странно: где-то в глубоком подсознании он сам в тайне желал этих перемен. Надоели бесконечные заседания, отнимающие большую часть рабочего времени, ответственность за всех и вся, эти постоянные недовольные лица начальства, их бредовые сиюминутные прихоти, которые приходилось выполнять. И вот только подумал – и на тебе решение. Десять лет он молил небо о кооперативной квартире!!! Но мечта, как заколдованная, лишь брезжила, обещая осуществиться в следующей пятилетке. А тут как будто в нужный кабинет небесной канцелярии он заглянул вовремя. Как там у них оперативно все решается!

Наука доказывает: нет ничего выше скорости света. Кридин для себя давно определил, что есть. Это скорость мысли. Не успел подумать – и вот уже готов заоблачный ответ, такой, что все нужно начинать заново. А ради чего? Просто очередному блавному сынку необходимо устроить карьеру, только и всего. Хорошо, оклад оставили прежний, и заместитель начальника института по режиму любезно извинился:

– Санек, такова жизнь, ты уж извини.

Только, что ему до этих извинений, премию как начальник сектора он теперь получать не будет, да и самолюбие задето невосполнимо. Хотя больше удивляло то, что он так долго продержался в кресле начальника, когда другие успевали почувствовать подобное фиаско по несколько раз. Но он – то по – настоящему работал: подобрал коллектив – «головастых» мужиков, а к ним в помощь симпатичных девушек; разработал гарантированно – беспроигрышную систему добывания объемных денег для безбедного существования сектора на многие годы, наладил дисциплину труда, и вот теперь передавай все это незнамо кому. Все в его делах было тщательно продумано на несколько лет вперед. Вот, например, у окна, в кожаном пиджаке чекиста, сидит ведущий инженер Миша Жулин, который, при своей невзрачной внешности и немногословности к тридцати годам успел два раза жениться да еще «наколпачить» по паре детей в каждом браке. Ведь Кридин с ним возился не из-за любви к его постоянно болеющим детям и не из-за интереса к его бесперспективной тематике: маленьким настольно-сверлильным станкам. Возможно, он и ошибался, и портфель заказов промышленности на подоб-

ное оборудование существовал, только выполнять его будет кто-то другой, ну никак, не Миша Жулин. С хлипким нутром, такой большой груз работы ему не приподнять. Но тяжесть ее он в полной мере ощутить должен. Кридин хорошо знал, что придет время, а оно не за горами, когда ему для решения насущных дел понадобятся технически грамотные, непритязательные исполнители, которые в свободном полете творчества уже терпели фиаско и прочувствовали все ступени падения.

И девчонок он набирал, не абы кого пришлют, а по договоренности с заместителем начальника института по режиму, по бутылке коньяка за каждую красавицу и чтобы на любой тебе вкус.

Тихая, спокойная Наташа с большими голубыми глазами и курносый носиком по образованию экономист и в технологических процессах, без сомнения, ничего не понимает, но аккуратная и исполнительная, она обычно занимается оформлением документов. Ее нежность и женственность быстро оценил инженер Круглов и не без труда уговорил на бракосочетание. Кридин был рад за них. Олег хороший и надежный парень, а ко всему прочему трудолюбивый и технически грамотный. Да и когда муж с женой вместе работают это неплохо, неплохо, прежде всего, для самой работы, потому что, как правило, исключает никому не нужный флирт на рабочем месте.

Вот две Ольги сидят по разные стороны от дверей. Обе полненькие, с упругими женскими округлостями, с кудрявыми головами, и возраста вроде одного – лет по двадцать пять. Только темненькая Ольга Свешникова, сидит себе, пишет технологии и кроме как о них и о семье ни о чем не думает. Светленькая, с глазами цвета моря Оля Белова, которая только числится в секторе, а на самом деле выдает специальную литературу для сотрудников всего отделения, вся наполненная грезами и мечтами, смотрит целый день в окно взглядом, полным любви. Все ее мысли утопают в воображении ее чувств, поэтому ее суждения до неприличия глупы и при первом с ней знакомстве режут слух наивной детской простотой. Впоследствии это не замечается и прощается, потому что компенсируется душевной добротой. Но больше всех Кридина беспокоила Светлана Понкратова – голубоглазая нимфа. Ее муж работает токарем на специальном участке, подчиняющемся непосредственно начальнику института, но вот любит она, не стесняясь мирского суждения, совсем не мужа, а высокого и стройного красавца, которого сейчас поставили на место Кридина. Поначалу Александр Григорьевич ничего плохого в этой связи не видел. Он и сам не прочь пофлиртовать, и кого надо заговорить и, в конце концов, уговорить. И восхищаться всегда будет и женской ножкой, и фигурой и грацией. Он только никогда не понимал людей, у которых половые органы в своем безудержном порыве перевешивают мозги. Ну, пофлиртовали и будя. Тут муж, тут семья. По полдня где-то пропадают, потом бессовестно обманывают, приходится их прикрывать и лукавить самому. В отделе снабжения, с которым работает Понкратова, вечная путаница, в документах неразбериха. Ведь никто не собирается за нее работу выполнять, пока она любовью занимается.

Пацан, которого поставили вместо него начальником, Кридину сразу приглянулся – высокий, кудрявый, симпатичный. Раньше Александр Григорьевич всегда держал его возле себя, для выполнения ответственных поручений. Особенно когда нужно было лоббировать те или иные вопросы. Как это ему удавалось, Кридин только догадывался. Но когда потерял насиженное место, понял: ничего просто так в этой жизни не бывает. Новый начальник в его лице не самый плохой вариант, без помощи своего наставника – Кридина, с работой все равно не справится, даже если познает суть идеи, потому что при ее осуществлении нужны полет мысли и огромный жизненный опыт. Вот «похоронить» дело сможет и дурак. Значит теперь нужно будет брать его в компаньоны, посвящать в тонкости дела и делиться... С какой только стати? И по какому праву?

Как только авангард мыслей достигал дележа денег, в душе под действием вихря эмоций начиналась сердечная качка.

– Александр Григорьевич, вы не могли бы сегодня вместо меня пойти на совещание к начальнику отделения, – Анатолий Николаевич учтиво обратился к Кридину.

«С какой это стати...» – хотел, было, как прежде ответить Александр Григорьевич, но сдержался, и лишь пожал плечами.

– Я вас очень попрошу, с Василием Степановичем я договорился, он не возражает...

Александр Григорьевич посмотрел на часы. (Опять похоже, на случай намылился... никакой тебе ответственности.) До совещания оставалось чуть более тридцати минут. Это обстоятельство несколько обескураживало: в принципе, к совещанию Кридину не нужно было особо готовиться. Он еще не упустил бразды правления сектором. Но если с самого утра не озадачить сотрудников и уйти на пол дня на совещание, то в секторе и на экспериментальном участке начнется безделье, похожее на деревенские посиделки, после которого создать рабочую обстановку будет довольно сложно.

– Да, многое мы нарботаем при новом руководстве. При этом и не знаешь, радоваться или печалиться, – Кридин в последние дни стал слишком часто задаваться этим вопросом.

– Меня до обеда не будет, так что прошу вас соблюдать дисциплину, – начальник считал вопрос о совещании решенным и уже обращался ко всем сотрудникам сектора.

Но слова будто повисли в воздухе. Все знали – кто в доме хозяин. И даже не повернули головы в сторону новоиспеченного начальника. Жулин углубленно изучал папку с техническими условиями на свой настольный станок. Девчонки только готовились к работе, поочередно разглядывая себя в зеркало. Ведущий инженер пенсионного возраста Фрол Наумович с двумя инженерами Олегом Кругловым и Павлом Веревкиным отметились возле своего рабочего стола и отправились на экспериментальный участок, чтобы со слесарем Петровичем начать отработку технологии на новой партии корпусных деталей, присланных заказчиком.

– Где у нас сегодня Гликман! – Кридин приступал к вверенным ему полномочиям.

– Как обычно с утра в библиотеке, – Ольга Свешникова отвлеклась от зеркала, чтобы сообщить начальнику ясное и очевидное для каждого сотрудника. – А Михайлов в отделе снабжения...

Она смахнула с расчески оставшиеся на ней волоски и спрятала ее в сумку.

– Так, а ты чем сегодня занимаешься? – Кридин обратился к Свешниковой, желая продемонстрировать свой строгий метод руководства.

– Технологии пишу, – легко отпарировала жесткий вопрос инженер-технолог третьей категории и для ясности добавила: – Мне еще на пять деталей осталось написать.

– Что-то долго ты пишешь.

– Эх ты, долго, – взметнулось в высь женское самолюбие. – А детали, какие сложные.

– И сколько же ты еще будешь писать?

– Не знаю. Но сегодня целый день, это точно.

– Ну, пиши, пиши, – довольный ее занятостью, начальник смягчился.

– У тебя, что? – Кридин обратился к Наталье.

– Мне техническое задание перепечатывать.

– Ты его всю прошлую неделю печатала, сколько тебе еще времени надо?

– Да это уже другое ТЗ, – в тоненьком голоске послышалась обида. – Это мне Миша Жулин дал на оформление.

– Какое еще ТЗ? – Кридин был не доволен новыми начинаниями ведущего инженера, по его планам, Жулину пора было переходить работать в возглавляемую им группу по обработке корпусных деталей. Но теперь для Жулина он не начальник, а тот не подчиненный. И Кридин выдохнул: – Ладно.

Он пролистнул страницы лежащего перед ним договора, понял, что времени на детальный анализ у него уже нет, и придется им заниматься после совещания. Отложил договор в сторону, но подумал и убрал от посторонних глаз во внутренний ящик, хотя в беспорядке нава-

ленных на столе бумаг найти что-то без долгой, кропотливой работы, наверное, не смог бы и подготовленный разведчик ЦРУ. Кридин еще раз взглянул на часы. С горечью определил, что планируемые им действия стали отставать от стремительного движения минутной стрелки. Поэтому решительно встал и быстрым шагом отправился на экспериментальный участок.

Этажом выше, в аудитории, занимавшей целый пролет и приспособленной под слесарный участок, утренний консилиум специалистов вполне мог перерасти в рукопашный бой. А все из-за того, что рабочий предпенсионного возраста Петрович не уважал мнение ведущего инженера, пенсионера Фрола Наумовича Прошкина и отказывался выполнять поставленные перед ним задачи. Все высказывания и решения, принятые Фролом Наумовичем, Петровичу казались абсурдными, технически безграмотными и для внедрения в жизнь не пригодными. Он их саботировал и призывал, пролетарии всех стран соединяться. Фрол Наумович старался, как мог на происки Петровича не обращать внимания. Сосредоточенно и усердно выполнял возложенные на него обязанности: Обучал молодежь, находил технические решения, казалось бы, в безвыходных ситуациях, и во многом определял техническую политику завтрашнего дня всего технологического направления. Что это ему стоило, только Бог ведал. Да, может быть, еще большое сердце, которое трепыхалось от кипения чувств. Кридин знал, что конфликт между сослуживцами с первого часа их совместной деятельности носит глубокий социальный характер. Но, что делать? Не мог Петрович простить Фролу Наумовичу его интеллигентность, образованность, а Фрол Наумович, как ни старался понравиться рабочему классу так рожей и манерами не вышел буржуй не добитый. Надеяться на примирение не приходилось. Один из них должен был уйти. Ни у кого из сослуживцев выбор сомнения не вызывал. Фрол Наумович, конечно, хороший специалист, только думающих в нашей стране всегда много – все беды от ума, а вот работающих руками нет. Все это знали, и Фролу Наумовичу сочувствовали. Необходимый объем знаний из своего необъятного багажа он подрастающему поколению уже передал. Пора и на покой. Хотя Проша вроде старался не чураться любой работы: и молотком постучит и плечом подсобит, но как у Петровича все равно не получалось. Петрович орудовал молотком, как хирург скальпелем. А уж тяжести?... сколько он их с малых лет перетаскал-то.

– Что тут у вас опять? – Кридин подошел к собравшимся возле опытного станка подчиненным и был настроен решительно. У него не было времени сентиментальничать.

– Что, что? – начал жаловаться Фрол Наумович. Его жесткий, скрипучий голос слова, словно пули, вонзал в сердце собеседника. – Нам сейчас в первую очередь нужно отрабатывать техпроцесс, а он собирается приспособление какое-то мастерить.

– Не какое-то, а кондуктор для сверловки отверстий на эту же деталь, – Петрович чувствовал, что его уличили в саботаже, и отвел взгляд в сторону.

– Ты нам головки на станке выставь, чтобы мы работать могли, и делай себе кондуктор.

– Петрович! Ну, правильно тебе говорят. На следующей неделе заказчик приезжает. Мы же ему должны техпроцесс на станке продемонстрировать, а не кондуктор, – Кридин убеждал слесаря, как своего самого закадычного друга, чтобы, ни дай Бог, не обиделся. И уже улыбувшись, добавил: – Ты сам понимаешь, с кондуктором нас не поймут.

Все присутствующие заулыбались. Вместе со всеми и Петрович. Кридин обнял его за плечо, будто секретничая, отвел от сотрудников на два шага и заискивающе попросил: – Ты давай уж, Володя, не подведи.

Петрович, получив необходимую дозу уважения, одобрительно мотнул головой. Кридину больше не нужно было его уговаривать.

– Наумович, я ушел на совещание. Ты остаешься здесь за старшего. Все, что мы наметили – обязан выполнить, – Кридин знал, что интеллигенция требует иного обращения и подхода.

– Когда мы что не выполняли, – затарахтел Фрол Наумович, часто моргая из-под очков. – Только вот уж не знаю, увольняться мне прикажите или как?...

– Или как, – Кридин беспардонно прервал взволнованную речь пожилого человека, потому что больше не хотел дискутировать.

– Этот гегемон меня в гроб вгонит...

– Крепись Наумович!

Кридин пожал ему руку выше локтя.

– Судьба у тебя просто такая, – и, не дожидаясь ответа, отправился на совещание.

Но Фрол Наумович, желая поставить все точки над I, вслед все же выкрикнул:

– На хренам бы нужна мне такая судьба.

Глава 2

Кобра

В маленькой уютной спальне с плотно зашторенными окнами, уткнувшись лицом в подушку и пряча свое блаженное таинство под широким ватным одеялом, спала очаровательная блондинка по имени Светлана. В квартире никого, кроме нее, не было: муж с пятилетней дочкой минут уже десять как ушли. (По дороге на работу, примерно, к положенному часу, Василий заводил девочку в детский садик.) Пользуясь их отсутствием, Светлана выкраивала пятнадцать – двадцать минут для неги, которую уже никто не мог потревожить. Сон был сладким и вождленным. Ей снился любимый мужчина. Он страстно целовал и ласкал ее тело. Затем нежно прижимал к своей груди и вновь, прикасаясь к чувственным местам, заставлял вздрагивать и утопать в безумии экстаза. Она отчетливо ощущала его пламенное неровное дыхание, прикосновение губ, их приятный вкус и запах, до боли родной и очень сексуальный. Огнем загорались щеки, затем теплом наполнялась грудь, от которого она теряла над собой контроль, небесная сила экстаза медленно опускалась в низ живота, переходя в блаженство. Светлана пыталась во сне с нею совладать. Перевернулась с одного бока на другой, затем легла на спину. Но подавить природную энергию не удавалось, неземные мысли путались, она цеплялась за каждую, в надежде понять, что с ней происходит. Ее уже начала бить предательская дрожь, и она с криком проснулась. Сбросила с себя одеяло и, не открывая глаз, села на тахте. Но сон перебарывал ее порыв, и она вновь повалилась на ложе. Только теперь она испытывала наслаждение от приятной истомы пробуждения, в которой хотелось находиться как можно дольше: и нежиться, и улетать в небытие, и вновь возвращаться в реальность. Она, наверное, могла бы так лежать, нет, парить, до бесконечности, но утро начинается с рассвета, а день с новых дел и забот, иногда даже приятных, томительных и долгожданных. Ей пора было вставать, чтобы успеть на свидание, которое должно было сон превратить в реальность. От сознания приближения приятных минут она окончательно проснулась, широко потянулась и открыла голубые глаза. Провела рукой по бедру, животу, задержала ее на груди, затем прикрыла ладошкой долгий зевок и после этого решительно встала с кровати.

Светлана Понкратова работала старшим инженером и курировала от сектора обработки корпусных деталей выполнение отделом снабжения поданных заявок. Ей приходилось большую часть рабочего времени, в буквальном смысле, лазить по складам в поисках необходимых материалов, простаивать часами в длинных коридорах в ожидании маленьких и больших начальников, загружать вытребованный товар на машины и отправлять на экспериментальный участок родного отдела. Работа для девушки, прямо скажем, не легкая. По всем критериям эта должность предназначалась молодому энергичному пробивному парню. (Но где таких взять?) Чтобы там ни говорили, со своей работой она справлялась. Бывали, конечно, заминки, с кем не бывает. Но чаще не по ее вине, а из-за плохой работы отдела снабжения. Можно было бы посоветовать на судьбу, что она не раз и делала, только место это было уж очень блаженное, с какой стороны ни посмотри. На оборотной стороне пропуска имелась наклейка. На ней красовалась роспись заместителя начальника института по режиму, дающая право свободного входа и выхода с территории института. То есть на свободный график работы. Для женщины такая работа это кладезь, для агента английской разведки просто необходимость. Но об этом позже.

Светлана накинула на «ночнушку» желтый махровый халат и не спеша, потягиваясь и зевая, дошла до ванной комнаты. Ополоснула лицо холодной водой, чтобы окончательно согнать сонливость. Почистила зубы и после некоторого раздумья отдала предпочтение контрастному душу перед блаженством теплой ванны. Затем, взглянув на часы, она поставила

наполовину наполненный водой чайник на газовую плиту, и, не дожидаясь, пока он закипит, начала спешно собираться на работу: глядя в зеркало трюмо, слегка подкрасила тушью ресницы и расчесала волосы. Открыла шкаф, просмотрела гардероб и выбрала на день строгий английский костюм. Отложила его на спинку кресла. Оглядела комнату и вернулась на кухню. Чайник уже закипел. Она сделала себе чашку кофе и бутерброд с сыром. Поглядывая на часы, с аппетитом их проглотила. Спешно ополоснула чашку водой из-под крана и вытерла полотенцем руки. Затем вернулась в комнату. Поправила и застелила кровать, надела пиджак и юбку, подкрасила губной помадой губы и специальным карандашом подчеркнула их плавный, красивый изгиб, наконец, в завершение, массажной расческой поправила прическу, надела туфли и выбежала из подъезда на улицу.

Институтский городок в эти часы был безлюден. С началом рабочего дня каждый законопослушный гражданин необъятной страны вносил свою лепту в строительство социалистического общества. Наиболее грамотные и эрудированные были задействованы в программах военно-промышленного комплекса, в так называемых почтовых ящиках, в которые граждане свободно входят, а потом всю жизнь живут по часам и под секретом. Светлана больше всего ненавидела эту обязательку, когда есть работа или ее нет, обязан сидеть положенное время. Она больше любила работать аккордно. Только в жизни часто получается так, что люди становятся заложниками обстоятельств. Вот и ей ее работа была не по душе, но ей сказали надо, и она ответила: есть. А затем уже приспособливалась к обстоятельствам. Для человека нет ничего невозможного, нужно только, чтобы желания совпадали с объективной реальностью. Она, в отличие от других, смогла освободиться от жесткого, почасового режима работы только потому, что ей этого очень хотелось и было нужно.

В безлюдных улицах провинциальных городов есть свое таинство, убеждающее сознание в незыблемости мироздания и скоротечности веков. В весенние утренние часы, вместе с пробуждением природы, они навевают к тому же теплую сердечную радость, рождают душевное равновесие. С таким приподнятым настроением, оказавшись на улице, Светлана быстро зашагала под горку к автобусной остановке. Завернув за угол дома, она поначалу зажмурилась от яркого солнца, но глаза ее быстро привыкли к уличному контрасту. И все же она надела темные, солнцезащитные очки, которые придавали ее европейской внешности определенный шарм и новомодный стиль. У автобусной остановки она замедлила темп ходьбы, огляделась по сторонам. Все для нее сегодня складывалось благополучно: автобус, по всей видимости, только, что ушел, и у нее были все причины и основания для того, чтобы пойти вслед за ним пешком. Метров через сто она отклонилась от движения автобуса вправо на девяносто градусов и, пройдя по узкой, длинной, извилистой улице оказалась в нужном ей месте, где уже встретиться с кем-либо из знакомых можно было по случайному недоразумению. Сто метров пути от остановки всегда были сопряжены с риском, обнаружить попутчиков. Обычно в таких случаях, она вынужденно меняла свое решение идти пешком, возвращалась на остановку и стоически дожидалась появления автобуса. Проезжала вниз одну остановку и выходила с тем, чтобы, пользуясь моментом посетить Дом Быта. Затерявшись в его павильонах, она выходила в нужное ей место, пусть даже с другой стороны и с небольшим опозданием. Но ведь ей как женщине это прощалось.

Частный деревянный дом с небольшим яблоневым садом прятался в тупике переуллка, к которому вела едва заметная тропинка от основного ряда домов. Этот дом принадлежал в прошлом деду Анатолия, но вот уже пять лет как старики умерли и теперь в нем жил его старший брат Алексей. Семьи у Алексея не было. (Рожденный пить – любить не может.) А дом без семьи, будто приют для бездомных, принимает всех желающих. К тому же часть дома по закону принадлежала Анатолию. Так, что он хозяйничал в нем по полному праву. Для любовных утех место мало привлекательное. Но человек ко всему привыкает, а с милым и в шалаше рай. И вот Светлана неожиданно стала хозяйкой большого дома и порой четко осознавала, что

так же заботиться о нем, как о своей квартире. Приходя в этот дом, она заметила одну для себя закономерность: если она шла сверху пешком, свидания удавались и были куда как интереснее и содержательнее, нежели когда ей приходилось пользоваться транспортом и подниматься после этого в гору. Может быть, это были всего лишь предрассудки, и ей это просто казалось. Ведь настрой на ту или иную ситуацию – это великая сила, которая порой подчиняет и обстоятельства. Но она непременно каждый раз так думала, поднимаясь в гору. Потому что никак иначе не могла себе объяснить: отчего у возлюбленного сегодня плохое настроение? Почему он так мало уделяет ей внимания и холоден в общении? Почему именно сегодня в их безоблачной сладкой любви возникли взаимные претензии, которые при своей кажущейся незначительности, перерастают в скандал?

Сегодня ей было особенно легко и радостно идти на свидание. Сегодня она не сбивалась с пути. Шелест молодых листьев, теплый ветерок, яркое солнце переполняли сердце предчувствием предстоящей встречи. Какие могут быть основания не испытывать подобные чувства? Обложенный белым кирпичом старый тухлявый дом казался милым теплым уголком; тропинка, ведущая к нему, сказочной извивающейся дорожкой счастья, по которой хотелось бежать, нет лететь на крыльях любви. Да, она по – настоящему была влюблена, и это чувство, внезапно открывшееся для нее, ошеломило разум, терзало и выворачивало наизнанку душу, мучило сердце. Она то горела огнем в присутствии любимого человека, то дрожала, словно от озноба в его объятиях. И этому нахлынувшему на нее потоку чувств она не только не могла и не хотела противиться, даже боялась об этом подумать. Как вообще без этого можно жить? (А ведь она жила.) Не чувствовать теплоты больших красивых рук, не осязать родной, принадлежащий только ему, дурмящий запах, не целовать и не испытывать божественных мгновений от близости с ним. Порой ей как таковая физическая близость была и не нужна. Она испытывала вожделение от одного его присутствия, от одного только взгляда на него. Вот он сидел в своем старом любимом кресле, в убогой обстановке, привычной для умирающих, больных развалюх, курил сигарету и о чем-то думал. Увлеченный своими мыслями он не сразу повернулся в ее сторону, а еще несколько мгновений продолжал разглядывать в окне облака. Но это только краткий миг. Затем он увидел ее и улыбнулся:

– Привет...

Она сказала: «Привет» и положила на холодильник свою сумочку. Сбросила туфли, надела домашние тапочки и бросилась к нему в объятия. Она не хотела и не могла больше ждать. Сев к нему на колени, Светлана, будто маленький ребенок почувствовала свою защищенность от холодного, жестокого мира. Она ощутила тепло, которого ей так не хватало многие годы.

Мир детства обдавал холодом воспоминаний, хотя внешне все выглядело обыденно, как и у многих ее сверстников: детский садик с песочницей, школа с первой учительницей, ВУЗ, выбранный с учетом возможностей и способностей. И семья из разряда благополучных. Мама долгие годы работала экономистом на заводе. Отец – инвалид войны, ушел на пенсию по состоянию здоровья с должности начальника цеха. Она была гордостью и любимицей всей семьи. Но как часто за внешним благополучием кроется душевная трагедия. Когда душа то мечется в груди, пытаясь освободиться от ненавистной ей сущности, то будто металл в раскаленной печи горит, обжигая внутренности. Воспаленный внутренней борьбой мозг не позволяет правильно оценить ту или иную ситуацию; становится еще сложнее принять правильное решение. И все вокруг тебя плохо: жизнь серая и скучная, друзья – обманщики, подруги – завистницы, безнадега – спутница всех дел. Девиз жизни: что такое невезение и как с ним бороться? И все самое лучшее еще впереди.

Это переходный возраст. Вот только расстаться с детским садом и стать школьницей, затем стать октябренок и пионером, комсомольцем и студентом, но вопреки ожидаемому прорыву, улучшения не наступает. Снежный ком житейских неурядиц, опрометчивых поступ-

ков, неразрешенных задач, все растет, делает человека злым и равнодушным. Он, сам того не сознавая, становится центром притяжения несчастья и злополучия.

В школьные годы Светлана дружила со своими одноклассницами, до восьмого класса с Наташкой Грушко, дочерью школьного учителя физики. Наташке очень легко давалась учеба. Она училась на одни пятерки, и невольно в ее суждениях по отношению подруги появились нотки превосходства и исключительности. Светлана, конечно, бы могла с этим смириться, но они перешагнули определенный, временной барьер, где определяющим фактором становится любовь. Наташка со своей мозговой исключительностью и неудавшейся фактурой от этих вопросов была далека. А кто ее знает, может быть, рожденные перед зеркалом комплексы, подсказывали ей в неведении надежную защиту чувств? Какие могут быть для нее танцы, это дурацкое времяпровождение? Когда столько хороших не прочитанных книг. А пацаны, эти дебилы, ну, что от них можно ожидать хорошего? Одни неприятности...

Противостоять подобным аргументам, изложенным в безоговорочной форме, было бессмысленно. И они расстались. Хотя ссоры никакой не было. Просто оказалось, что две подруги живут в разных мирах и говорят на разных языках. Ну, а потом в их девятом классе появилась новая ученица, в которую влюблялись все мальчишки одноклассники. И очень захотелось быть рядом с преуспевающим человеком. Научится его обаянию, манерам поведения, да даже просто вкусить частичку удачливости, находясь рядом. Ведь очень трудно в молодые годы трезво оценить и правильно выбрать свой, единственный, жизненный путь, не размениваясь на явные заблуждения, приносящие разочарования.

Ленка была лидером во всем, кроме учебы. Учиться она не любила и не скрывала этого. Ах, эта физика и химия! Ну, зачем они ей? Летящие на голову яблоки, формула воды, в которую можно вписать всю таблицу Менделеева и не ошибешься? Геометрия с непонятными углами, алгебра с умопомрачительными уравнениями? В жизни женщины самое главное знать формулу любви: это когда в отношении с мужчинами знак больше всегда на твоей стороне. И неукоснительно притворять ее на практике.

По всеобщему мнению одноклассниц, в Ленке ничего особенного не было. Самая обычная. Однако все ребята микрорайона хотели завести с ней дружбу. Она казалась доступной каждому, а юношеское воображение снимало все ограничения с любовного порыва. Взамен любви предлагалось все от чистого сердца до дорогих подарков с бабушкиной пенсии. Но сердце из сухого льда в этом не нуждалось. Дружба дружбой, а жизнь не разменная монета. Повеселились, посмеялись... За ручку потрогал? Что еще надо? До свидания.

С Ленкой всегда было здорово, если бы не один трагический эпизод, который перевернул всю жизнь. В конце десятого класса они зачастили с Ленкой на дискотеки в медицинский институт. Поочередно уже были пройдены танцевальные площадки почти всех военных училищ города, авиационного и индустриального техникумов, отработана манера поведения, накоплен опыт общения с парнями, вступившими в иную, самостоятельную жизнь. В то время самый модный вуз объединял в своих рядах всю золотую молодежь города. Ленкина старшая сестра Марина встречалась со студентом медиком, и шанс познакомиться с перспективным молодым человеком никто естественно, упускать не собирался.

На них обратили внимание в первый же вечер. Но Ленка быстро выяснила, что ребята, предлагавшие дружбу, иногородние из общежития, и что их звездный час наступит, в лучшем случае, лет так через десять. Конечно, можно было бы ради любви разделить их незавидную участь. Но, во-первых, никакой любви не было. Во-вторых, вовсе ни к чему опережать события. И действительно, вскоре последовали более интересные предложения. Двух будущих детских врачей, затем двух хирургов пятикурсников, двух психологов и даже двух аспирантов. Но видно так было угодно судьбе принять им приглашение двух братьев Хачатрян, Гошки и Гришки, провести праздничную вечеринку у них дома. Гошка был уже пятикурсник, а Гришка заканчивал третий курс. Баловни судьбы имели прочно закрепившуюся репутацию

подонков и развратников. А стабильное денежное подкрепление со стороны отца – директора «Торгового центра», позволяло им, не обращать внимания, на общественное мнение. Если бы об этом знать заранее... И разве можно, не имея достаточного, жизненного опыта, быть сильнее обстоятельств?

Гошка с Гришкой с виду маленькие, слащавые, с первого взгляда создавали впечатление интеллигентных, воспитанных и очень образованных молодых людей. Именно такими они и были на людях. Но уже давно многие студентки открыли в них иной феномен. Когда, предаваясь совместным оргиям, они проявляли удивительную садистскую изобретательность.

И в тот вечер, встретив Светлану и Елену в своей большой четырехкомнатной квартире на набережной, они поначалу проявляли галантность. Легкая музыка, изысканно накрытый стол, богатое убранство дома могли вскружить голову не только школьницам. От такого набора, подкрепленного изысканными спиртными напитками, словно волшебная музыкальная шкатулка открывались души всех побывавших здесь красавиц. Гошка и Гришка и предположить не могли, что строившие им весь вечер глазки и дарившие надежды молодые оболыстительницы, не дождавшись кофе, скажут: до свидания. У них как-то в голове не укладывался подобный реверанс. Тут даже дело не в том, что они за пятьсот рублей собрали стол и их за это не хотят отблагодарить. Не в печально потраченном, не зная на кого вечере. Братья рассматривали событие более глобально. Будто плевков в душу. Ведь только позволь одним так с собой поступить, тут же последуют и вторые, и третьи.

– Ты мне детка, трусиками забыла помахать, – удобно развалившись в кресле, зловеще улыбнулся Гоша.

– В следующий раз помашем, – небрежно бросила в ответ Ленка. И подала Светке знак, чтобы собиралась.

– В следующий раз у нас другая программа под названием «вертолет», а сегодня мы будем учиться с парашютом прыгать.

Гошка, как ни в чем не бывало продолжал дискутировать с Ленкой, по старшинству он выбирал ту, которая ему больше понравилась. Гриша Хачатрян никогда не возражал и соглашался с любой женской партией. Он был несколько крупнее своего брата, но отчего-то менее разговорчив. Оценивая ситуацию, он крепко держал Светку за тонкую талию, и казалось, не собирался с ней расставаться.

– Вы у нас оказывается еще и вертолетчики. Интересно, – растягивая последнее слово, опрометчиво шутила Ленка.

– Да!!! И еще капитаны эсминцев, которые сражаются с подводными лодками.

– Как интересно, мы в следующий раз обязательно всю программу посмотрим, – Ленка потихонечку подкрадывалась к выходу. Она даже попыталась разобраться в сложных дверных замках, но безуспешно.

– Ладно, давайте девчонки еще по пятьдесят граммов выпьем, и разбежимся, – вдруг неожиданно стал сговорчивым Гоша. Он подморгнул то ли девчонкам, то ли брату. И попросил того принести его любимый ликер.

Гриша действительно вскоре принес из соседней комнаты красивую бутылку с темной жидкостью. С трудом откупорил накручиваемую пробку, и разлил густой напиток по наперсткам.

– Не, я пить не буду, – категорично заявила Ленка.

– Я тоже, – пыталась быть солидарной с подругой Светка.

– Ну, вот видите, что мы ни предложим все вам не нравится. Так нельзя, девчонки, – вдруг неожиданно вступил в разговор Гриша.

– Можно, можно, – защищалась за себя и за подругу Света.

– Вы, что с нами поругаться хотите? Пока не выпьете, не уйдете.

Гоша взял со стола два наперстка, один для себя другой протянул Ленке. То же проделал и Гриша, протягивая рюмку своей избраннице.

– Ну, ладно, только последнюю, и мы уходим.

Ленка взяла наперсток и, не дожидаясь остальных, выпила содержимое. Светка даже и не поняла, что произошло с ее подругой. Она вдруг неожиданно со всего размаха упала на пол возле двери. Светка от испуга завизжала, но от сильного удара по голове тоже потеряла сознание.

Очнулась она в три часа ночи в подъезде какого-то дома. Ее притащили и оставили лежать среди хлама и строительного мусора возле двери, ведущей в полуподвальное помещение, обычно предназначенного ЖЭКом под бытовку слесарей – сантехников. Скорее она даже не очнулась, а вернулась в реальность. Потому что все, что с ней происходило, Светка ощущала и понимала, но ни сопротивляться, ни кричать не могла. Тело и воля были не подвластны ей, душа будто отделилась от телесной оболочки и с равнодушием наблюдала за происходящими событиями. А через какое-то время вновь вернулась на свое прежнее место, только теперь равнодушие переросло в жгучую боль от нахлынувших воспоминаний. В тот момент она даже не понимала: какая боль ее беспокоит больше – душевная или физическая? Братья глумились над ее телом поочередно. Удовлетворив свою ненасытную похоть, стали совместно отрабатывать навыки в области медицины, используя при этом то скальпель, то зажим, то пинцет. Как она все это выдержала? Как она, в разодранной одежде, ночью добралась до дома? И стоило ли ей после этого жить?

Две недели пролежала она в больнице, но безуспешно. Причина была не в синяках и ссадинах, причина заключалась в душевной травме, которая, как нарыв, с каждым мгновением увеличивает силу и площадь поражения. Уголовное дело против братьев – подонков в милиции возбуждать отказались за неимением достаточных доказательств. Кроме того, следователь совсем неожиданно предъявил предоставленную участковым милиционером и составленную Светкиной классной руководительницей характеристику, из которой она узнала, что уже давно считается девушкой легкого поведения. И Ленка, и Ленкины родители от каких бы то ни было совместных действий по наказанию насильников, наотрез отказались, и желали лишь одного, чтобы это дело не получило громкой огласки и не испортило дочери дальнейшую жизнь.

Хорошо тем, кто знает свое место в этой жизни, для которых этот падший мир не кроет загадок и позволяет освободить воображение от иллюзорных, возвышенных планов. К сожалению, Светкиному папе – фронтовику, прошедшему войну, легкую контузию и после инфарктную реабилитацию в мирное время, подавить в своем сердце чувство несправедливости оказалось невозможным. Повторный инфаркт приковал к больничной койке. Чувство стыда, обиды и обреченности душило и доводило его до отчаяния. Для него всегда честь и достоинство по – настоящему отличали человека от человекообразного существа. А если их нет, то, как бы ты о себе ни судил, твой удел быть в числе презираемых.

Но как же горько осознавать, что общество не только не разделяет твою горе и не понимает твоего беспокойства, оно осуждает твои поступки, презирает наивность и за деньги защищает изуверов, представляя их образ жизни как саму праведность. Но ведь лживый образ праведности формирует уродливое общественное сознание, которое соответственно определяет отношения между людьми в этом обществе. Едкие ухмылки одноклассников, надоедливые причитания сердобольных старушек, косые взгляды педагогов – все это заставляет понять, что у тебя только два пути: либо в петлю, либо, превратив душу в твердый камень, противостоять злорадству людей и по возможности мстить своим обидчикам. Светка еще не знала, как. Воображение рисовало жуткие картинки, на осуществление которых она сама никогда не смогла бы решиться. К сожалению, поражающий импульс мщения, выпущенный воспаленным сознанием, лишь ранил больное сердце отца и мучил болями поясницу матери. Но Светлана точно знала, что пройдет время и час возмездия обязательно настанет. За причиненные

страдания в той или иной форме по заслугам получает каждый, только Светлане хотелось, чтобы карающий меч в ту минуту находился в ее руке, чтобы братья не мучились догадками, за какие такие грехи их постигло горе.

У Светланы от нахлынувших воспоминаний вновь сжалось сердце. Как же быстро состарились тогда ее родители. Всегда сильный и мужественный отец на глазах превратился в немощного старика, мама стала походить на сгорбленную старуху. И век их после тех событий оказался не долгим. Но в ее памяти родители по-прежнему оставались молодыми и жизнелюбивыми.

Светлана неожиданно сильно укусила обнимавшую ее мужскую руку. От боли Анатолий вскрикнул и попытался освободиться. Но Светлана, опережая его негодование, несколько раз поцеловала укушенное место, приговаривая:

– Прости, прости, ну прости меня, пожалуйста.

Душевная рана в груди за десять лет только рубцевалась, но до конца не заживала. В минуты болезненного приступа необходим был эмоциональный всплеск, который помогал освободиться от негативной энергии. Светлана себя не сдерживала, да и не старалась сдерживать. Она уже давно относилась к плеяде людей, которые делают по наитию все, что угодно их душе.

Анатолий попытался высвободиться. Но Светлана была начеку и, повернувшись на бок, обхватила руками его голову.

– Не отпущу...

– Отпусти... Кобра...

Но в его словах не было злобы. И Светлана в ответ лишь рассмеялась.

– Так значит, кобра. Что еще?

Они лежали обнаженные на старом раскладном диване, прикрывшись пледом. Приятная истома блаженства и умиротворения совсем не располагала к спорам и пререканиям, но Светлане очень хотелось в такие минуты быть повелительницей, не терпящей возражений. Она сильно, до боли обняла Анатолия за шею и переспросила:

– Так кто я? Не слышу, повтори...

– Отпусти...

Анатолий безуспешно пытался высвободиться. Он боялся применять силу, от которой на женском теле в одночасье могли появиться синяки.

– Не слышу!.. – в женском голосе появилась наигранная требовательность.

– Кролик...

– Кто?!

– Ласточка...

– Уже ближе... Еще кто?

– Сердце мое... любовь моя.

– То-то же...

Силы стали покидать Светлану, она ослабила хватку и легла рядом с ним на спину, позволяя ему отдышаться.

В комнату через большое окно кухни и распахнутые двери залы заглядывало солнце. В его лучах было видно едва уловимое хаотичное движение пылинок, медленно опускающихся на красный палас в форме неправильного четырехугольника. Яркое, словно луч прожектора, сияние придавало убогой обстановке некую таинственность и позволяло почувствовать закономерную связь с тонким миром. Анатолий рассказывал, что после смерти родителей часто слышал скрип половиц и чьи-то шаги. По ночам брату отчетливо слышались голоса мужчин и женщин в этой половине дома. Конечно, возможно, это признаки белой горячки, но чтобы не испытывать судьбу, Анатолий в передний угол комнаты поставил икону, на то самое место, на котором она стояла при жизни родителей. Светлана невольно взглянула на нее и поправила плед, пряча под ним свою очаровательную наготу.

– Давай будем собираться.

Анатолий попытался встать. Но Светлана обхватила его за плечи и притянула вниз.

– Лежать...

– Ну, хватит дурачиться... Время скоро одиннадцать. А мне нужно еще на работе показаться, я все же какой – никакой начальник.

– Ладно, ладно будем собираться.

Светлане самой необходимо было попасть домой, чтобы успеть принять душ и ванну. Она уже сейчас мечтала об этом. Но в условиях частного дома это мероприятие было проблематичным.

– Ты чай будешь? – спросил Анатолий.

– Мне лучше кофе и не очень горячий.

Светлане показалось, что любимый мужчина уже тяготится ее присутствием, но, тем не менее, отступить не стала.

– Мне бы хотелось с пирожным.

– Я шоколадку принес...

– Где это ты ее взял?

– Теща из Москвы привезла.

– Ну, раз от тещи, это надо попробовать.

Светлана прошла на кухню и вымыла у домохозяйки руки. Затем открыла косметичку, достала пудреницу, глядя в маленькое зеркало, попудрила лицо и причесалась. После этого громким щелчком закрыла сумочку, села на свое излюбленное место возле окна и мило улыбнулась возлюбленному.

Анатолий вынул из кармана маленькую шоколадку и положил на стол, который хотя не отличался габаритами, занимал почти половину комнаты. Газовая плита, рядом с печкой занимали вторую часть кухни.

– Ну, что начальник, ухаживай за женщиной.

Светлана три раза пробила пальцами по столу барабанную дробь.

– Ты, что шоколадку сама не можешь развернуть?

– Кофе подавай...

– Чайник закипит, тогда и подам.

Анатолий раскурил сигарету и пододвинул к себе пепельницу.

– Ты же знаешь, я не люблю горячий.

– Пусть хоть немного согреется...

– Тогда рассказывай, что там за переполох в институте? Говорят, англичане нам иск выставляют на огромную сумму.

– А ты откуда знаешь?

– Дорогой, слухами земля полнится... Ты разве этого не знаешь? Впрочем, не хочешь рассказывать, не надо. Мне кто –нибудь другой об этом расскажет.

– Кто же это другой?

Глаза Анатолия сверкнули в порыве ревности.

– Не важно.

– А что я могу рассказать? Перерисовали у англичан машину, вот они иск и выставляют.

– Какую же машину?

– По очистке масла. Зачем только скажи, это тебе надо?

– Все знают, а я что хуже других.

– Пока никто ничего не знает. Вчера только письмо в институт пришло.

– Не вчера, а в среду на прошлой неделе. И об этом весь институт два дня, словно пчелиный улей гудит. Говорят, целый год премию не будем получать.

– Что ты всякие сплетни собираешь? Когда тебе премию не давали?

– Если институт штраф будет платить, с кого деньги будут брать? Только с рядового инженера.

– Какой штраф? Вы что, все с ума сошли? За что?

– За то, что чужие чертежи использовали в производстве.

– Но это надо сначала доказать. Что в принципе не возможно. Наши чертежи прошли патентную чистоту. На этой установке успели три кандидатские диссертации защитить молодые ученые. А тут вот англичане попросили, и мы в одночасье от всего этого будем отказываться, да еще штраф заплатим?

– Но ведь формально они правы.

– Правы? Да если хочешь знать, весь мир, весь технический прогресс, и основан на шпионаже. Шпионаже умов, информации. Иначе мы все бы до сих пор жили в пещерах.

– Ну, наверное, есть какие-то международные нормы?

– Есть... Только мы клали на них большой с прибором серп и молот!!! Все... Все, голу-бушка, время. Мне пора.

– Ну, хорошо ухожу, только что уж ты так разнервничался. Два слова сказать для тебя целая проблема.

– Светка, ни будь вредной. Ты сама видишь, как много времени уже прошло.

– У... счет потеряла.

Светлана накинула на ноги туфли, как одолжение, подставила щеку для поцелуя и вышла на улицу.

Майское полуденное солнце пьянило. Теплый ласкающий ветерок обдавал своим свежим, бодрящим дыханием. Хотелось вновь и вновь утопать в объятиях любимого и наслаждаться. Светлана миновала извилистую тропу, закрыла за собой дверь скрипучей маленькой калитки, бросила взгляд на дом, после чего порылась в сумочке и выключила миниатюрный диктофон.

Глава 3

Старатели

После начала утреннего совещания у начальника отделения, длившегося почти до обеденного перерыва, большая часть сотрудников вздыхала облегченно. Мужчины уходили на длительный перекур – консилиум по широкому кругу вопросов. Женщины, оставаясь в аудиториях, между делом, а то и собравшись в кружок, обсуждали семейные и любовные события минувшей ночи, без сомнения самые захватывающие, животрепещущие и актуальные.

Владимир Алексеевич Чаплыгин маленький, лысоватый инженер лет сорока, вопреки своему жизненному принципу, стоял в толпе курильщиков и недоверчиво прислушивался к разговору не в меру возбужденных сотрудников. Он сосредоточенно поглядывал из-за стеллажей очков то на одного, то на другого оратора, пытаясь отделить зерна от плевел, и терялся в догадках. Противный, резкий запах табака в дополнение к зловонью туалета заставляли его щуриться и сдерживать дыхание. Он чувствовал себя отвратно и, тем не менее, старался не подавать вида и во что бы то ни стало разобраться в происходящем. Противоречивые чувства владели его душой, и борьба противоречий рождала муки сознания.

Ровно в восемь часов Владимир Алексеевич приступил к работе. Разложил перед собой научные справочники: металлурга и технолога, конспекты симпозиумов, свои увесистые тетради черновиков. Затем порылся в столе, достал логарифмическую линейку, положил ее слева от себя. И, наконец, начал терпеливо дожидаться, когда закончится ежедневный утренний гомон сотрудников.

Его рабочий стол, как ему казалось, стоял на самом неудобном месте. Во-первых, в комнате, где соседствовали два сектора различных отделов, что само по себе создавало нездоровую рабочую обстановку; во-вторых, у двери, которая, по мнению Чаплыгина, никогда не закрывалась, и вместе с раздражающим шумом и коварными сквозняками отнимала остатки сил и здоровья. Впрочем, неудивительно, подобные неудобства известны каждому талантливому, одержимому работой человеку. А Владимир Алексеевич себя именно таким и считал. Вот уже несколько месяцев он составлял сводную таблицу погрешностей зуборезного оборудования в зависимости от условий работы и срока службы. Получался солидный справочник, не имеющий аналогов в мире. (В Советской стране этим еще никто не занимался, а в цивилизованном мире в нем не было необходимости, потому что обновление станочного парка шло в ногу со временем.) Казалось, ничто не может остановить его на пути к заветной цели, итогу многолетней работы. Разработанная им методика расчета позволяла определить степень точности зуборезного оборудования, без всякого осмотра, только опираясь на данные замеров, произведенных на предприятиях производственным мастером, либо квалифицированным рабочим и переданных по почте. Естественно о полученных результатах никто не подозревал, а Владимир Алексеевич свои расчеты старался держать в тайне. (Если у него не будет своего профессионального секрета, кто же его будет считать квалифицированным специалистом.) Работа над справочником приближалась к концу, и Чаплыгин с каждым днем испытывал все больший подъем духа.

Чувствовать моральное удовлетворение, без поддержки пристойного материального обеспечения, довольно сложно, но Владимир Алексеевич умел отличать и смаковать подобное состояние, когда по груди растекалось тепло, а в голове ощущалось легкое головокружение от маленькой незначительной победы разума. Он вообще считал сложившееся положение дел в науке, производстве, в жизни несправедливой ошибкой судьбы, верил, что время все расставит по своим местам и ждал своего часа.

Окунаясь, как в омут, в свою работу, он больше ни о чем не хотел слышать.

– Сахара..., змеи..., – все пролетело мимо него вместе с переливчатым смехом молоденького рыжеватого техника.

– Что за глупости? – Чаплыгин углубился в стройные ряды цифр, четко выстраивающихся из-под карандаша, и зашевелил ушами.

– Ярыгин, Усков..., – перешептывались ведущие инженеры. У Вовы громко заурчало в животе, в памяти вспыхнули неприятные воспоминания о розыгрыше, который в прошлом году сотворили с ним два этих молодца, и как ни старался он их отогнать, не мог. Они вонзились точно острый нож в его ранимую душу.

В обычный, будничной, рабочий день с 15 до 16 часов отдел пригласили на прививку в медпункт. Заранее было вывешено объявление, да и табельщица несколько раз прокричала:

– Кто еще не был в медпункте?

Оказалось, что, кроме Чаплыгина, были все. Табельщица нахмурила брови, погрозила Вове кулаком:

– Ну-ка живо у меня, – и улыбнулась.

Вова закрыл тетрадь с расчетами, замурлыкал: «Трали-вали», и дирижируя сам себе рукой, в радужном настроении отправился в медпункт. В небольшой комнате, предварявшей кабинет врача, одевались только двое – Ярыгин и Усков. Они уже прошли намеченную процедуру и поторапливали Вову: «Быстрее – один остался.»

При этом Усков заправлял рубашку в брюки, а Ярыгин сидел на стуле и искал ногами штанины брюк.

Что за прививка? Вова не поинтересовался. Чего там, раз уколется и все дела. Его только несколько смутило: «А, что до трусов раздеваться?»

– Можешь без трусов.

Вопрос показался смешным.

– Трали-вали, – Вова наскоро скинул брюки и посмотрел на свои мятые, обесцвеченные многократными стирками семейные трусы.

Он не стал на этом заострять внимание. На цыпочках, чтобы не запачкать носки, подбежал к двери, постучался, приоткрыл и, услышав девичий голосок: «Заходите», юркнул в кабинет.

Юная девочка медсестра возилась за ширмой у кипятильника, готовя следующую партию игл. Оттуда слышался ее тоненький ангельский голос, который заставил учащенно биться Вовино сердце:

– Проходите к кушетке и подождите секундочку.

Вова не заставил себя долго ждать: с разбега прыгнул на кушетку, зажмурился и припустил трусы. Девочка с ангельским голоском, появилась рядом с Вовой совсем неожиданно. Наливаясь пунцово красной краской, она выпустила из шприца воздух. Попросила Вову сесть на кушетку и сделала прививку в предплечье.

– Все!!! – она приложила к месту укола ватку и, намекая на Вовин внешний вид, добавила: – Вам еще к психиатру не мешало обратиться.

Однако самые неприятные минуты, Вова испытал, когда выходил из кабинета: в маленькой комнате в ожидании прививки столпились женщины соседнего отдела. Их в спешном порядке направили на прививку Усков и Ярыгин.

Поэтому, сейчас когда Вова услышал эти фамилии, то испытал прилив неприятных чувств, а про себя подумал: очередной розыгрыш. Но любопытство, чувство с которым соседствовала Вовина инженерная мысль, заставило его прислушаться к голосу трудящихся, и он направился в курительную комнату.

Помещение для курения на четвертом этаже планировалось строителями как будущая комната отдыха начальника института. Все же времена меняются, и хоромы тридцать квадратных метров стали служить курительной комнатой инженерного состава. Впрочем, пона-

чалу, согласно архитектурского проекта, ее площадь составляла шестьдесят квадратных метров. Одним движением пера на проекте была проведена линия, которая разделила женскую и мужскую половины комнат. Прорубили вторую дверь, по намеченной линии воздвигли стену до потолка, и особо тщательно, со строительным мастерством заделали стык оконного проема с кирпичной кладкой, чтобы во время отдыха мужчины и женщины могли друг друга лишь слышать, но не видеть. Затем и эти комнаты поделили на две равные части курительную и обеспеченную сантехническими узлами, отделили друг от друга перегородкой и филанчатой дверью.

Среди шума, гама, клубов табачного дыма Чаплыгин нашел довольно сносное место поближе к входной двери. К началу разбора вопроса он естественно опоздал. По рукам ходила справка из поликлиники, и как понял Вова, это было неременное условие для дальнейшего разговора. Когда справка дошла до него, он не стал вчитываться в диагноз, а только посмотрел на номер поликлиники и гербовую печать. Все было в порядке.

– Ну, и что Никанорович? Вы уже все документы оформили, и через неделю прощай родной институт? – глубоко затянувшись папиросой и медленно выпуская раздражающий носоглотку дым, спросил Ярыгина ведущий конструктор сектора корпусных деталей, гений и балагур Иван Назаров. Он стоял рядом с Чаплыгиным, прислонившись к стене, возле ряда кресел, на которых, покуривая сигареты, сидели Усков, Ярыгин и их компаньон по автомобильному бизнесу Саша Вилкин.

Окруженный взволнованными сотрудниками Виктор Никанорович Ярыгин, человек с университетским образованием математика, обветренным лицом и замученными работой руками, задумчиво мотнул головой.

– Ууу, – восторженно, в знак одобрения и зависти, загудела тусовка курильщиков.

– Мужики, еще раз про условия расскажите.

– Основной заработок сохраняется?

– Администрация института, как на это дело смотрит?

– Когда это они по-человечески смотрели, – наперебой раздавались из толпы возбужденные голоса.

– Мы вот в раздумье: может быть, жен с собой взять? – Ярыгин продолжал интриговать коллег.

– Да, деньги это, конечно, хорошо. Только без жен в пустыне за три месяца одичать можно. В ящерицу превратиться или черепаху, – продолжал рассуждения друга Геннадий Сергеевич Усков.

– А кто эту поездку организывает? – не смог сдержать любопытства Владимир Алексеевич Чаплыгин.

На удивление, Виктор Никанорович вопрос сразу расслышал и переспрашивать не стал:

– Горком партии, госуниверситет и заготконтора. Ну, и профком института, конечно, в курсе дел. Иначе кто бы нас отпустил? Ты вот как профсоюзный деятель должен раньше нас такие новости знать и всех оповещать. А ты как рогатый муж, узнаешь самое интересное в последнюю очередь.

Мужики в ответ на шутку рассмеялись, а Владимир Алексеевич сконфузился.

– И что же, все желающие могут ехать? – по очереди, в изумлении задавали вопросы курильщики.

– Конечно, только справку о состоянии здоровья из поликлиники предоставь... Кто с тобой в пустыне возиться будет, если у тебя, к примеру, стенокардия или геморройшний шаг сделать мешает.

Толпа вновь одобрительно загудела.

– А из медпункта нашего института справки не достаточно будет? – спросил страдающий одышкой молодой электронщик Женька Сотник.

– Ты хоть у тети Клавды уборщицы справку возьми, только печать гербовую поставить не забудь, – с сарказмом пояснил юнцу Ярыгин.

– Так, мужики, заканчиваем перекур... И все по рабочим местам.

В комнату заглянул заместитель начальника отделения по хозяйственной части Мирков. Он во время совещания брал на себя функции блюстителя порядка. Никто не решался и не думал ему перечить – начальство есть начальство. Курильщики нехотя по одному стали покидать общественное заведение.

Владимир Алексеевич, окончательно пропахнув табачным дымом, вернулся в кабинет и сел за свой рабочий стол. В его облике, мало знающий его сослуживец вряд ли смог бы заметить изменения. Все такой же, как прежде, ухоженный, средних лет интеллигентный мужчина сидит и о чем-то думает. Но близкий, хорошо знающий его человек, мог безошибочно определить, что с коллегой творится, что-то неладное. Выдавали маленькие юркие глаза, которые в минуты особых переживаний под линзами очков округлялись и придавали лицу глуповатый растерянный вид. Естественно, в таком состоянии ни о какой научной работе, тем более о составлении справочника, не имеющего аналогов в мире, речи не могло и быть. Владимир Алексеевич находил в состоянии легкого интеллектуального нокдауна, справиться с которым оказалось не так-то легко.

Но в данную минуту на Чаплыгина внимание никто из присутствующих не обращал. В соседнем секторе, коллективе преимущественно женском, шла горячая дискуссия. Решался фундаментальный вопрос: говорила ли Анна Сергеевна правду о дате своего рождения при составлении анкеты в здрав. пункте или кривила душой.

Анна Сергеевна, (сотрудники даже не знали, что в паспорте она была записана как Екатерина Сергеевна) была женщиной современной, передовых взглядов, кроме того, внешне интересной, статной и ухоженной. (Чаплыгин даже несколько завидовал ее мужу и вечному своему оппоненту кандидату технических наук Марату Иосифовичу Баглаю.) С детских лет она чувствовала тягу к имени Анна, поэтому никаких комплексов по этому поводу не испытывая, представлялась и звалась тем именем, которое ей больше нравилось. Благополучное семейное положение и удачно выбранное трудовое поприще научного работника делали ее счастливым человеком. Если бы не нежная тень возраста, клонившегося к пенсии, которая с каждым днем все больше и больше затрагивала женское самолюбие.

Анну Сергеевну ошибка природы начала по-настоящему мучить. Она с этим фактом просто не могла согласиться. В душе она была молодой и жизнерадостной. Неужели запись в красной книжечке точнее определяет ее истинный возраст?

Чтобы убрать вопиющую несправедливость Анна Сергеевна при заполнении многочисленных необязательных анкет с легкостью сбрасывала со своего официального возраста лет этак пяток. И очень радовалась, когда это оставалось не замеченным. Иногда ее даже посещали мысли: с помощью старой перьевой ручки и капельки туши исправить в паспорте цифру три на восемь, тем самым, решив для себя волновавшие проблемы. Никто, конечно бы этого не заметил, но Анна Сергеевна была человеком грамотным, чтילה законы и, естественно, на такой ответственный шаг решиться не могла. Ведь в таком случае, придется жить и думать, что к твоему номинальному возрасту могут еще прибавить лет пять тюремного заключения.

Другое дело никому не нужные анкеты. Анна Сергеевна вообще противилась их заполнению. Укажите адрес, семейное положение, социальное происхождение, возраст, специальность, национальность, количество детей. Как говаривал ее муж Марат Иосифович, это выписка для вора домушника. По таким данным остальные детали легко ими просчитывались. По его наущению, Анна Сергеевна не раз ставила в таких анкетах измененными не только год своего рождения, но и ответы на другие неумные вопросы.

Вся эта бумажная рутина писалась и пропадала. И никто никогда ею не пользовался, и не обращал внимания, если бы не дотошность молодых сотрудниц, которым рыться в чужом

постельном белье доставляло наслаждение. Маленькое несоответствие количества лет брызнуло бальзамом на их сердца.

– Вы, что же Анна Сергеевна дочку в пятнадцать лет родили? – задала, после часового допроса, последний самый обескураживающий вопрос председатель женского следственного комитета сероглазая полячка Галя Матвеева, которая свой бальзаковский возраст воспринимала стоически.

В пролете, объединяющем два сектора, наступила минута молчания. Коллеги, затаив дыхание, ждали ответа от женщины, от матери, от благовидной дамы, который должен был вскрыть нелицеприятную ложь.

Лицо у Анны Сергеевны покрылось не только испариной, но и красными водянистыми пятнами, она не могла понять, как это молодым девчонкам удалось втянуть ее в совсем не нужный для нее спор. И чтобы раз и навсегда прекратить ненужные дебаты Анна Сергеевна отмахнулась:

– Да идите вы все... Это вообще не моя дочь...

Все единодушно выдохнули. Люди, мучимые догадками, после такого ответа тревожить даму более не смели.

Анна Сергеевна углубилась в изучение подвернувшегося ей под руку технического задания. Девчонки, усевшись в кружок, продолжали перешептывание. Так, что Мирков, заглянув в комнату, нашел обстановку соответствующей трудовой дисциплине.

Женская импульсивность всегда ставила Владимира Алексеевича в тупик. От женской логики, от поставленных вопросов, от поступков всегда веяло душевными порывами. Чаплыгин исподволь задавался вопросом: почему? И объяснение для себя находил, не в современных справочниках, не в марксистско-ленинских работах, а в библейских притчах.

Ну, вот создал Бог женщину из ребра мужчины. Ребро, как его ни крути, с изгибом на вершине. Вот тебе и все объяснение. У всех женщин либо в голове изгиб, либо еще в каком месте. Но аномалия присутствует в обязательном порядке. Он и у своей Людмилы Ивановны подобные явления замечал. Она у него и умница, и душевный человек, а вот что от нее можно ожидать в следующую минуту, для него всегда оставалось загадкой.

Их брак создавался исключительно по расчету. Да нет, конечно, не по материальному принципу. Ни у того, ни у другого, кроме койки в рабочем общежитии, ничего за душой не было. Но было одно общее желание создать семью, свить уютное гнездо и завести детей. Ему минуло тридцать ей двадцать шесть. Вкусив в полном объеме нормы советского общежития, они никаких тайн и комплексов в сексуальном плане, уже не испытывали. В отношениях с окружающими людьми правила тоже были едины. Бить и не прощать слабых особей, льстить и угождать сильным мира сего, а для достижения намеченной цели все способы хороши. Ибо мир жесток, и это надо воспринимать как факт, установившийся без их участия.

Людмила Ивановна была несколько крупнее мужа и на полголовы выше. Но когда их взгляды впервые встретились, они оба в один миг поняли, что рождены друг для друга. Некоторое общепринятое несоответствие воспринимали для себя как определенный шарм.

Для решения кардинального в жизни вопроса им потребовалось три часа вечернего времени, чтобы сидя на лавочке в сквере перед общежитием говорить, нет, наслаждаться, слушая другого. И она в одночасье стала ему любовницей и другом, надеждой и опорой, мудрой хранительницей семейного очага. Матерью их единственного сына. А он так и не смог по-настоящему стать хозяином, главой семьи, добытчиком, обеспечивающим защиту и достаток близких ему людей. Людмила Ивановна успокаивала:

– Да, что ты, Володя, не переживай, все у нас в порядке, ты даже и не думай.

Но сам-то он прекрасно понимал, что до порядка далеко и можно до него никогда и не добраться. Когда еще будет готов к изданию его справочник, когда к нему придет заслу-

женное признание и денежное вознаграждение? А жить полнокровно хочется каждый день, каждый час.

Как многое в этом мире зависит от его величества случая. От дарованных судьбою предложений и эпизодов. Сколько он уже в жизни их упустил?

Взять хотя бы его назначение год тому назад начальником сектора. Как мечтал он попасть в список номенклатурных работников. Сколько лет добивался назначения. А потерял в один час, даже не вкусив прелести руководящей должности.

Назначение состоялось в конце апреля, перед майской весенней демонстрацией трудящихся. Перед праздниками в институте как обычно короткий рабочий день, уборка помещений, мытье стен и окон. У талантливого руководителя в коллективе людям подсказывать ничего не надо, работа сама спорится. И действительно, к обеденному перерыву с намеченным заданием справились. Разумно было за хороший добросовестный труд поощрить работников. Владимир Алексеевич, не задумываясь на радостях, отпустил всех подчиненных домой. По воле случая начальник института решил свой обход начать именно с подразделения механообработки и натолкнулся на пустующие рабочие места. Организационные выводы последовали незамедлительно и Владимира Алексеевича назначили и сняли с занимаемой должности одним приказом.

Что это – рок судьбы или происки недоброжелателей? Или наваждение, от которого он потерял рассудок?

Но как же было стыдно перед Людмилой Ивановной, потому что случившееся не поддавалось объяснению. Проблемы как были, так и остались не решенными. Может быть, компания в пустыню вовсе и не розыгрыш, а именно тот случай, за который и необходимо ухватиться. Ведь, по сути, за три летних месяца можно было бы решить все материальные проблемы на несколько лет вперед. Жаль, что ему не суждено даже мечтать о поездке вместе с коллегами в эту экспедицию. Ведь ни один врач, ни за какие деньги не подпишет ему подобную справку.

Несколько лет тому назад по призыву средств массовой информации он в вечернее время занялся бегом трусцой. Все как предписывала современная наука, Чаплыгин выполнял в точности до запятой. После работы водные процедуры и легкий ужин, два часа отдыха, а затем несколько кругов бега вокруг микрорайона.

Владимир Алексеевич в молодые годы не очень был дружен со спортом, поэтому, что такое спортивная физическая нагрузка знал лишь понаслышке. Когда он испытывал после бега легкое головокружение, дрожь в коленях и расстройство желудка, все это воспринимал как обязательный элемент адаптации организма к нагрузкам. Он даже их увеличивал. И на зависть соседей, вскоре мчался мимо них как молодой олень. Никто из них и поверить не мог, что вскоре после одного такого забега скорая медицинская помощь увезет неудачливого спортсмена с диагнозом стенокардия.

С тех пор Чаплыгин отдавал предпочтение ходьбе, причем под ручку с женой. Но при всех стараниях функции работы сердца восстановить ему никак не удавалось. Самое главное, и Владимир Алексеевич знал это точно, что еще один эксперимент над собой оно уже не выдержит.

Нет, он не был стяжателем, не считал себя завистливым человеком. Только душа и сердце не могли мириться с несправедливостью. Почему он, образованный человек, труженик, приносящий обществу конкретную пользу, получает заработную плату как не самый квалифицированный рабочий? Внедренные им технологические процессы, оборудование, приспособления и механизмы высвобождали из производства десятки и сотни рабочих рук. Изобретения и патенты подтверждались экономическим эффектом в сотни тысяч рублей. Но премию он получал в процентном соотношении одинаковую с уборщицей и с простым техником. Разница была лишь в окладе, разве это порядок? Неужели государственные мужи, которые с высоких трибун только и говорят о научно-техническом прогрессе, не знают, что от нужды и бездене-

жья инженеры и научные работники вынуждены приобретать рабочие специальности станочников. Может быть, в государстве с диктатурой пролетариата это очередной потайной курс на благо трудящихся. Но Владимир Алексеевич никогда себя, в плане социального происхождения, от пролетариата не отделял. Разница между ним и его сверстниками состояла лишь в том, что в то время когда те пили водку, и таскали девок по кустам, он сидел за книгами и чертежами и оказался в авангарде тех, кто решал государственную программу по ликвидации безграмотности.

Выходит, государство его обмануло, и необходимо срочно предпринимать шаги, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Ведь это самое обидное оставаться беспросветным дураком всю жизнь. А как же это еще назовешь?

Но, положив руку на сердце, нельзя сказать, что он уж очень перетрутился. За два вечера в народной «добровольной» дружине один день к отпуску добавлял, за прогулки на демонстрациях, за выход на работу на полдня в субботные дни, за поездку в подшефный колхоз и еще много за что не предвиденное. Только так все поступали, невзирая на специальность и социальную принадлежность. Лучше бы, конечно, вместо отпускных дней деньгами платили.

Правда, бывало в колхозе, Владимир Алексеевич с двумя – тремя приятелями инженерами подрабатывали. Кому дрова поколют, кому воды в дом натаскают. Но больше литра самогонки никогда заработать не удавалось.

Что же, может быть, экспедиция за змеями и стала бы его звездным часом? Когда судьба возьмет и откроет перед ним свои двери, позволит вдохнуть полной грудью воздух свободы? Свободы от жалкого прозябания, от гнетущих мыслей о хлебе насущном, от постоянной подавленности и ущербности своего существования!..

– Чаплыгин! Что сидишь, как херувим – обед? – визгливым голосом Галя Матвеева вывела Владимира Алексеевича из оцепенения. За своими рассуждениями он и не заметил, как с совещания вернулись два начальника секторов, словно оповещая своих подчиненных о начале обеденного перерыва. В комнате появилось радостное движение. Распахнули окна для проветривания, и три десятка инженеров потянулись к выходу.

Все еще охваченный грезами, Владимир Алексеевич воткнул в розетку штепсель электрического чайника. Достал из сумки термос, сверток с хлебом и бутербродами, разложил аккуратно все на рабочем столе, развернул салфетку со столовыми приборами и, не обращая внимания на задержавшихся в комнате коллег, приступил к обеденной трапезе.

Глава 4

Карающий меч

Телефонный аппарат издал две звонкие трели и замолчал. Лежа в теплой воде, под одеялом мыльной пены, Светлана едва услышала его позывные, хотя телефон располагался в коридоре у самой двери ванной комнаты и звенел довольно громко. Она испытывала такое блаженство, что вся суeta мира в данную минуту не должна была ее тревожить.

Как это не справедливо, заставляя женщину прерывать минуты сладостного умиротворения.

– Проклятие! Что это за жизнь?

Светлана с усилием воли встала, легким движением смахнула с рук остатки мыльной пены и, выбравшись из ванной, накинула на обнаженное, влажное тело свой желтый махровый халат. Услышав повторные телефонные звонки, она перекрыла кран с водой, и поспешила к аппарату.

– Алло, это абонент 25 – 71 – 17.

– Нет, вы ошиблись, – она отвечала робко, сразу узнав знакомый бархатный голос.

– Извините.

В аппарате послышались гудки.

Светлана положила трубку и отрешенно вернулась в ванную комнату. Она испытывала не раздражение, не досаду, а горечь от безысходности, от ловушки, в которую загнала ее жизнь, от состояния вечной должницы, долг, которой с каждым часом все увеличивается.

Он появился, будто волшебник из сказки, интеллигентный, изысканный, добродушный, располагающий к себе, спортивный и подтянутый. Светлана, почему-то поначалу подумала, что это очередной тренер, пришел ее уговаривать выступить за свою команду на предстоящих соревнованиях по волейболу. Светку знали многие тренеры города, она до восьмого класса занималась в детской спортивной школе «Волжанка» и получила те необходимые азы мастерства, которые позволяли ей представлять интерес для спортивного руководства. Поэтому, когда после уроков к ней подошел средних лет мужчина, она не удивилась, предполагая, что сейчас он приступит к бесполезным уговорам. Однако мужчина – звали его Альберт Станиславович, представился, как юрист, занимающийся вопросами прав человека, и предложил с ним побеседовать.

Как часто душевные порывы подчиняют наш разум, осыпая конфетти иллюзий, а поступки соответствуют нахлынувшим эмоциям. Хорошо, когда наш ангел хранитель в таких случаях предотвращает жизненную трагедию, но, а если и он потерял бдительность?

Светка, словно замороженная, пошла за этим человеком. Они выбрали столик в кафе, и она два, нет три часа, изливала ему душу. Альберт участливо слушал, сопереживал, в его темных глазах отражалась ее душевная боль и жгучий огонь мщения. В его ауре ей было тепло и уютно. На его руку хотелось опереться, к его груди ей втайне хотелось прижаться.

– Мщение – это самый плохой и ужасный поступок для человека... – Альберт внимательно посмотрел на Светлану: – Но в нашей скотской жизни, может быть, это единственный способ для самоутверждения. Я могу помочь тебе в этом. Только ты должна хорошенько все обдумать, прежде чем принять окончательное решение.

– Я уже подумала, – голос Светланы был необычайно тверд. Она отчетливо поняла, что добрый, участливый человек, сидящий напротив, вовсе не осуждает, а скорее одобряет ее поступок, и даже подталкивает к нему.

– И все же подумай...

– Нет! Я все уже обдумала.

– В таком случае, что ты хочешь?

Светлана неожиданно для себя выяснила, что она до конца так и не знает, что она хочет. Все картинки мщения вновь замелькали в ее воображении, как в многосерийном фильме ужасов. В ее сознании, на удивление ей самой, вдруг возник сдерживающий фактор, и она сформулировала свою просьбу в обтекаемой форме: – Я хочу, чтобы с ними произошло то, что произошло со мной и с моей семьей, – давая исполнителям самим определить степень наказания.

– Хорошо. Только у нас к тебе одно условие. Ты понимаешь, у нас создано товарищество, таких как ты, обиженных обществом. Поэтому тебе нужно будет вступить в наши ряды. Стать полноправным членом организации, борющейся за права людей. Ну и по мере возможности помогать ей в деятельности.

Альберт Станиславович улыбнулся, будто говорил о сущих пустяках. Светлане в ту минуту как никогда хотелось быть в таком обществе, и она спокойно и твердо, точно клятву произнесла: – Я согласна.

Вскоре по всему городу распространился слух, что в «Торговом центре» работники ОБХСС обнаружили существенные нарушения правил торговли. Более того, к нему оказались причастны руководители «Торгового центра», неправильно распорядившиеся полученными целевым назначением для сотрудников Газпрома спальных гарнитуров японского производства. Гарнитуров в количестве шести экземпляров представляли собой эксклюзивный товар, стоимость каждого равнялась стоимости двух автомобилей «Волга» и предназначались они в виде поощрения «за добросовестный труд» руководителям одного из подразделений государственной монополии. Но по назначению до потребителя вместо шести гарнитуров дошли только два. Сотрудники монополии с глубоким уважением относились к торговой мафии города, но свои интересы посчитали превыше всего. После того, как их законные требования с легкостью проигнорировали, они вынуждены были включить рычаги власти. Не получив должного понимания на местном уровне, газпромовцы нашли поддержку в лице центральных органов, чтобы уже ни у кого не возникало сомнений: на чьей стороне правда. Контролирующие органы, наконец-то, смогли работать без оглядки на вышестоящие начальство, проявили завидную прозорливость и дотошность в выяснении обстоятельств исчезновения гарнитуров. Впрочем, они никуда не исчезали, а в момент поступления в магазин были тут же выкуплены директором, главным бухгалтером, первым секретарем райкома партии и работником обкома партии, курирующим работу торговли. Гарнитуров вернули в магазин в целости, ну, может быть, только не хватало пижам, которые успели облюбовать домочадцы. Но оргвыводы, с перспективой судебного разбирательства, предстояли существенные. Директор, ознакомившись с положениями уголовного кодекса, касающимися простых граждан, в чей реестр, с легкой подачи Москвы, он был зачислен, напряжения не выдержал и с обширным инфарктом оказался в больнице. При всем старании врачей ему так и не суждено было вернуться к нормальной жизни. Пришла беда – открывай ворота. Буквально вслед за проверками ОБХСС, старший сын Георгий попал в автомобильную катастрофу. Управляя автомобилем в нетрезвом состоянии, он попал под грузовик, в результате повредил позвоночник и на долгие годы оказался прикован к постели. Второго сына, Григория за неуспеваемость грозились отчислить из института. Все, что смогли в тот момент для него сделать, это взять в институте академический отпуск, но автоматически нужно было договариваться в райвоенкомате об отсрочке от армии. Однако, военные при рассмотрении этого вопроса, проявили завидное упорство. В городе рассказывали различные истории по «отлову» на военную службу сына некоего руководителя высокого ранга. Он был отправлен служить во Владивосток на корабль, который по полгода бороздит морские просторы, где старослужащие тихоокеанского флота быстро ему привили любовь к Родине. Он несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством, выбрасываясь за борт судна. Но свести счеты с жизнью способен не каждый. Гришка, по примеру многих молодых «салаг», бросаясь в водную пучину, набирал в легкие воздух и шел камнем ко дну, но когда

кислород заканчивался, инстинкт самосохранения заставлял искать спасения, и он, что есть силы, работал руками и ногами. В результате вода выталкивала на поверхность обезумевшего от страха и не хватки воздуха морячка. Тут же спущенная на воду шлюпка подхватывала его, чтобы впоследствии публично предать общественному порицанию.

И еще ходили слухи, что мать двух взрослых сыновей оказалась пациенткой известного в городе психиатра Гамбурга, что в ее поведении появились странности, выражающиеся в мании преследования и попадания к ним в квартиру через отдушину отравляющих газов.

Светлана следила за городскими событиями. Ей казалось, что все в них происходило как будто само собой, без чьего либо непосредственного участия. Альберт, должно быть, усмотрел в ее поведении сомнения, и как-то при встрече спросил:

– Ну, ты довольна?

– Чем? – не сразу поняла она вопрос и переспросила.

– Как чем? Результатом.

Светка покраснела и, опустив глаза, ответила:

– Довольна.

С Альбертом у них завязались тесные, дружеские и в то же время деловые отношения. И ей было с ним комфортно. Он был очень интересным рассказчиком, и ненавязчивым человеком. Если в отношениях с родителями она не находила понимания, то с этим человеком вдвое старше себя точно раскрепощалась. Они говорили о современной музыке, об отношениях между мужчиной и женщиной, вместе строили планы на ее дальнейшую жизнь. Даже в его отсутствие она чувствовала поддержку, незримую силу, которая в любую минуту придет к ней на помощь. И еще, что особо было для нее приятно, это поддержка материальная, пусть, как он выражался «незначительная», но для молодой девушки столь необходимая и своевременная.

Ей очень хотелось с кем-нибудь поделиться своим секретом, с той же Ленкой, но Альберт попросил очень убедительно, можно сказать приказал: никаких сплетен в их обществе не допускается, и даже карается наказанием. Затем он порекомендовал с Ленкой дружбу не водить:

– Твоя Лена нехороший человек, дружба с ней тебе доставит в жизни массу неприятностей.

– Че это она моя? У нас и так с ней ничего общего уже нет. Просто хотелось бы, чтобы бывшая подруга, знала, какие у нее покровители.

– Придет время, узнает.

Но такое время не пришло. В круговерти бурных событий, следовавших одно за другим, этот разговор забылся. Так и школьная подруга Ленка вскоре стала считаться человеком из далекой прошлой жизни. Их жизненные дорожки разошлись, хотя жили они рядом через два дома. Между двумя бывшими одноклассницами неожиданно оказался непреодолимый океан непонимания и противоречий.

После окончания школы Ленка попыталась поступить в медицинский институт, но на первом же экзамене получила двойку и довольствовалась медицинским училищем. Впрочем, первоначальный денежный взнос на зубо-врачебный факультет училища лишь незначительно отличался от институтского тарифа.

Светка, конечно, даже мечтать не могла о медицинском институте. Ее возможности и способности соответствовали уровню политехнического института, механизации сельского хозяйства, да и вообще она хотела годок – другой отдохнуть от учебы. Если бы не настойчивость Альберта, может быть, она осталась и без высшего образования. Сколько таких уставших от школьных экзаменов и нервных перегрузок учеников, затерялись в академических отпусках.

– Ты, в какой институт собралась поступать? – как само собой разумеющееся спросил Альберт.

– Не знаю. Я об этом еще не думала.

– Очень жаль. Об этом ты давно должна была подумать, а родители тебе подсказать, посоветовать.

– В нашей семье образование не является догмой, самое главное быть человеком.

Светлана сразу поняла, что Альберт, расположившись вместе с ней на лавочке напротив университета, о ее дальнейшей судьбе разговор завел не ради праздного любопытства. И как маленький ребенок порой нарочно дразнит своих родителей, специально говорила неприятные для него слова. Поначалу он даже не нашелся, что на это ответить, настолько был возмущен. Но затем подавил в себе негодование и спокойно стал объяснять:

– Никто и никогда не ставил под сомнение, что главное это быть человеком, но важно еще каким. Именно в период от восемнадцати до двадцати восьми лет идет формирование личности и во многом это зависит от условий, в которых этот процесс происходит. Одно дело, если человек находится в кругу своих сверстников, умных, талантливых преподавателей, познавая науки и ремесла. И совсем другое дело, если он в этот период общается с людьми, которые уже испытали в жизни разочарования, и кроме как о болезнях, житейской неустроенности ни о чем не думают и с удовольствием с вами делятся. Прожив и проработав в такой обстановке лет десять, человек морально и духовно уже вполне определенно чувствует себя пенсионером, или, как он ошибочно себя называет, понявшим смысл жизни. А смысл жизни не в ее понимании, а в самой жизни, то есть, быть счастливым не завтра, и не через год, а сейчас, сию минуту. Вот постичь и понять это и помогает образование.

– Да какое там образование, сколько анекдотов рассказывают о молодых специалистах, которых ничему не научили в институте. Приходят на производство, а над ними все смеются.

– Кто смеется? Смеются недалекие люди, которые за всю жизнь изучили всего лишь один аспект. Всему научить нельзя! Философы древности давно поняли и оставили нам аксиому: чем человек больше знает, тем соответственно больше он не знает. В институте учат самому главному: работать с литературой, учат учиться. Над молодым специалистом смеются недолго, потому что он берет в руки книгу и восполняет тот пробел в образовании, который не был охвачен учебой в институте.

– Ну, хорошо, что вы предлагаете? – лукаво спросила Светлана.

– Предлагаю университет, механико-математический факультет.

– Да ну, я думала, торговый, на худой конец экономический.

– Институты, безусловно, интересные, только меня и нашу организацию больше устраивает университет, чтобы ты водила дружбу не с будущими банкирами и директорами универмагов, а с будущими учеными.

– А это так важно? – наигранноспросила Светка.

– Очень даже.

Так был сделан выбор профессии.

На экзаменах при поступлении она получила отметки, гарантирующие ей проходной бал, и была зачислена в третью группу. Первый испуг от больших аудиторий и студентов быстро прошел. Уверенность и материальная поддержка, которую обеспечил ей Альберт, помогли адаптации. Она могла позволить себе хорошо одеваться, пользоваться французской косметикой, не очень-то волноваться при сдаче экзаменов и зачетов. Все это способствовало незаметному превращению ее в изысканную леди.

Но именно в этот период начали возникать первые конфликты с Альбертом. Причина была в его непонимании, а скорее в деспотизме по отношению к ней. Ну, что например такого, если она нравится и ее хотят проводить до дома, приглашают в кафе, на дискотеку? Сразу все начинают думать, Бог знает о чем. Был у них Сережка из второй группы, парень на их потоке самый интересный: высокий, стройный, мужественный. Все девчонки обратили на него внимание. Как-то он пришел на лекцию с опозданием и, чтобы не беспокоить преподавателя, присел на свободную парту недалеко от входной двери и случайно оказался ее соседом на целых пол-

тора часа. Нашли время на лекции: немного пошутили, посмеялись. Находиться рядом с ним оказалось приятно. По дороге домой он рассказал о себе, о родителях, как у нее, заводских служащих; своей любви к точным наукам; призах, завоеванных им на городских олимпиадах по математике; о своем школьном преподавателе, открывшем в нем талант будущего ученого. А еще он был спортсменом и занимался греблей, да у него вообще была масса достоинств.

Оказалось, что жил он в одном с ней микрорайоне СХИ, получившим свое название в начале шестидесятых годов, благодаря первым новостройкам – корпусам студенческого общежития сельскохозяйственного института. Теперь дорога от дома до университета за разговорами пролетала как одно мгновение. Почему только раньше они друг о друге ничего не знали? Ведь жили неподалеку. Учились в соседних школах. Общих знакомых было не счесть. А вот познакомились только в университете. Бывает же такое. И очень даже приятно ощущать присутствие рядом с тобой настоящего кавалера, который помогает тебе в часы пик в общественном транспорте, ожидает тебя на остановке, чтобы составить компанию, даже присутствие которого вселяет уверенность и силы в твою женскую душу. Все люди, от мала до велика, оглядываются на молодую красивую пару, то ли завидуют, то ли восхищаются. А ты чувствуешь умиротворенность и девичье счастье. Держать его под руку; прижиматься, словно невзначай, к его спортивной фигуре в битком набитом автобусе; обсуждать прослушанную лекцию – все было необычайно занимательно и вселяло надежду на будущее.

Вскоре он предложил ей пойти вместе с ним на студенческую вечеринку, по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. На квартире его друга собралась веселая компания. Пили шампанское, пели под гитару песни, танцевали. Он в тот вечер первый раз ее поцеловал, и от избытка чувств у нее закружилась голова. Она неожиданно почувствовала, как стремительный горячий поток из груди устремился вниз, сокрушая внутри нее все преграды, обдал воздушной, теплой влагой низ живота и вырвался наружу. Она на какой-то миг потеряла ориентацию во времени, оторвалась от пола и стала улетать вслед за блаженством. Но сильные руки в этот момент подхватили ее и крепко прижали к груди. И от такого удачного приземления она вдруг ощутила теплую душевную радость, которую ей почему-то хотелось испытывать вновь и вновь, только, безусловно, вместе с блаженством. И она почувствовала, что этот человек ей дорог и близок. Близок, как никто другой. Он будто часть ее души и тела. Он как воздух, без которого она тут же умрет. Как солнце, позволяющее жить и надеяться. Ей было радостно встречать его каждый день на остановке, и становилось грустно, если вдруг он задерживался в библиотеке или спортивном зале. Впрочем, она уже этого не допускала и шла вместе с ним.

За все это на нее Альберт так взъелся, будто она его собственность.

– Да, собственность. А ты как думала? Ты состоишь в организации, которая вкладывала и вкладывает в тебя не только деньги, но и время, силы, эмоции, вдыхает в тебя удачу. А ты хочешь все это взять и кому-то подарить. Мы такой роскоши позволить себе не можем. Ты девочка уже взросленькая и должна понять, что за моей спиной стоят люди. Рисковать их благополучием и жизнью я не могу, и не имею права, как и сентиментальничать, и уговаривать. Раз и навсегда запомни, ты будешь делать то, что тебе говорят, иначе мы вынуждены будем с тобой расстаться... навсегда.

И Светлана впервые, общаясь с Альбертом, содрогнулась, понимая, что навсегда – это не значит, что она пойдет домой и будет жить своей прежней жизнью. Навсегда означало для нее уход в иное измерение.

– И что же мне теперь ни с кем уже нельзя встречаться?! И замуж нельзя выходить?! – эти вопросы с криком вырвались у нее из груди как защитная реакция на неминуемую опасность.

– И, что я ему скажу? Прости, ты мне очень нравишься, но я здесь ни причем?

– Замуж?.. Ты считаешь, что тебе уже пора замуж? – Альберт будто рассуждал вслух, и на его холеном, утонченном лице отобразилась озабоченность. И даже больше: недовольство собой, тем, что он допустил в своей работе очевидный промах.

– Мы этот вопрос обдумаем... А, что сказать парню? Ты не беспокойся, мы с ним сами переговорим. Парень он понятливый, и быстро сообразит, что ему в этой жизни выгодней.

Он всегда говорил мы, когда хотел придать значимость их беседе.

Впервые, после этого разговора, она задумалась в правильности выбранного пути. Но мучения ее были недолгими. Немного поразмыслив в ночной тишине своей спальни, Светлана все сомнения расставила по своим местам. Да, она Альберту и его организации нужна для достижения определенной цели. Ведь не из-за любви к ее голубым глазам он как куратор вел ее по жизни. И все, что он ей скажет, она будет выполнять. Другой альтернативы у нее нет. В данном случае она попала в бурный поток жизни и сопротивляться ему бессмысленно. Ей не хотелось страдать, мучиться размышлениями о долге перед Отчиной, государством, воспитавшем и вскормившем ее, перед своим народом. Она с этими комплексами справлялась легко. Картинки глумления над ней братьев Хачатрян память мгновенно восстанавливала перед глазами, вместе со щемящей болью в груди картинки преображались в равнодушие следователя, подлость классной руководительницы, в злорадство окружавших ее людей, многих из которых она считала своими друзьями. А что она собственно делала неправильно? Наверное, нужно было поступить иначе: утереть слезы и ждать еще одного изнасилования? Извините! Не на ту напали... А Сережка?.. Как быстро он отступился от нее. Будто между ними ничего и не было. Не было радостных встреч и долгих расставаний, не было душевного тепла и понимания, не было сладких минут юношеского счастья, которые долгие годы память будет хранить в ее груди, как реликвию. Может быть, все в ее жизни сложилось бы иначе, если бы в тот момент, он протянул ей свою крепкую, мужественную руку. Но, к сожалению, этого не произошло...

Светлана прибрала в ванной, прошла на кухню, поставила чайник на плиту, чтобы приготовить кофе, и посмотрела на часы. У нее уже совсем не оставалось времени. Обеденный перерыв подходил к концу, а ей еще предстояло, как минимум, одеться и преодолеть путь от дома до проходной.

– Да плевать! Будь, что будет.

Светлана отмахнулась от желания быть примерной и дисциплинированной. Добавила в чайник воды, поставила рядом с чайником на малый огонь кастрюлю со щами и решила еще немного полежать на диване.

Поначалу она не хотела опаздывать на работу. Совсем ведь ни к чему испытывать судьбу и нервы начальства. Замечательное, солнечное утро было продуктивным и приятным. Все складывалось, как по задуманному сценарию. Перед обеденным перерывом она еще успела забежать в отдел снабжения. Убедилась, что все в порядке, материалы, необходимые сектору для производства, были получены и лежали на складе. Скорректировала действия по доставке их в отдел. Теперь оставалось вовремя появиться на работе и преподать это в лучшем виде как плодотворную и скрупулезную работу на общее благо.

Но как быстро на ясное небо ее безмятежных чувств набежала тучка, и по груди пробежал холодок, сковывая морозом сердце, хотя ничего сверхординарного не произошло, даже более того все было прогнозируемо. Этот звонок она ждала, ждала в определенный час, и была уверена, что он состоится. Ей тем самым сообщали время и место предстоящей встречи, от которой отказаться уже было невозможно.

Последние произнесенные в трубку цифры телефонного номера обозначали пароль. Один – место на лавочке возле университета, семь – семь часов вечера. И будьте любезны, не опаздывать. Кроме праздной беседы, от нее исподволь будут требовать результаты работы. Работы, за которую в строгом полувоенном государстве по головке не погладят.

Светлана, как наивный ребенок, в глубине души надеялась на чудо. Просила и молила Небо, чтобы все это когда-нибудь, закончилось. Невозможно жить и все время оглядываться, боясь, что тебя схватят за руку. Невыносимо трудно противопоставлять себя всему обществу, каким бы оно ни было. И каждый день выполнять то, что уже не прибавляет тебе положительных эмоций.

Светлана, обессиленная, буквально рухнула на диван. Ослабила пояс халата, поправила маленькую бархатную подушку и, свернувшись калачиком, улеглась, пытаясь отрешиться от всех волновавших ее проблем.

Она чувствовала рядом с собой опасность, животный страх перед сложившейся жизненной ситуацией. Она осознала, что настал тот момент, когда ее будут использовать, как пушечное мясо, бросая на выполнение задания, которое в принципе для нее невыполнимо, к которому она не готова, и любой опрометчивый шаг в таком щепетильном деле грозит разоблачением и статьей «измена Родине – расстрел». Она даже не знала, как подступиться к выполнению этого задания. Для этого ей не хватало элементарных знаний, просто кругозора. От нее требовали предоставить доказательства, что специалисты института при разработке установок по очистке масла использовали патент английской фирмы «Альфа Лайт Брайзерс». Альберт, как показалось Светлане, прекрасно понимал, что задание ей не под силу. Это задача для команды академиков, и то, наверное, сразу не разберутся. А что может она прочесть в рулоне чертежей?! Хозяева надеются на ее обаяние, но и у него есть предел возможного. К тому же общеизвестно, когда человек задается какой-либо целью, судьба, будто нарочно создает преграды для ее выполнения. Более того, она начинает играть с вами в прятки, задавать веселые шарады и трудные для решения ребусы. Как будто заставляет доказывать ей, что вы достойны поставленной цели.

Хорошо если вы по жизни человек выносливый и терпеливый, но ведь, согласитесь, далеко не всем нравится тратить время и силы, подставляясь под удары судьбы. Светлана думала, что после знакомства с Альбертом, оставив, как ей казалось, все невзгоды позади, записалась в когорту баловней судьбы, у которых все в жизни происходит как бы само собой. При этом она совсем не отдавала себе отчета в том, что в жизни и судьбе человека не все решает его величество случай. И вот теперь, когда ее просили приложить усилия для достижения нужного результата, Светлана восприняла это как призыв к трудовому или даже героическому подвигу. Она неожиданно для себя, впервые за последнее время, почувствовала ущербность своей жизни, неустроенность и одиночество. Даже Альберт не казался теперь защитником в отношениях с ней, за внешней вежливостью и учтивостью, в нем обнаружилась не свойственная ему внутренняя напряженность. По интонации голоса, по беспокойным глазам можно было понять, что у него какие-то проблемы. Раньше ничего подобного она в нем не замечала. Напршивался вывод, что хозяева стали недовольны его работой, а он в свою очередь это недовольство выплескивал на нее. Она поначалу терпела и, как могла, защищалась от его нападков, старалась шутить и уверять, что все будет сделано. Но время шло, нет, летело, а подвижек к решению поставленной задачи почти никаких не было. И вот уже она, возвращаясь после свидания с Альбертом, ощущала смертельный холодок, который мелкими мурашками бежал по спине.

Ей явно не повезло, как назло, главный разработчик и руководитель проекта Иван Иванович Назаров, хотя и работал в одном с ней секторе, но внимания на нее не обращал. Это был человек своеобразный, сочетающий в себе небывалое жизнелюбие, любовь к своей работе, к своей профессии, любовь к Родине и бесшабашный характер, неумную энергию, которые проявлялись буквально во всем, что бы он ни делал. Он был из плеяды бессребреников и рьяных строителей равноправного общества. К тому же балагур и страстный любитель женщин. Но как обычно бывает у таких неординарных людей, вкус у него тоже был своеобразным. Если он курил, то папиросы, раздражающие носоглотку. Если любил женщин, то женщин в полном

понимании этого слова, с пышными телесами как спереди, так и сзади. К тому же предпочитая бальзаковский возраст.

Светлана, как только поступила на работу в институт и пришла на работу в свой сектор, сразу обратила внимание на крупного, высокого, с седоватой шевелюрой человека, большую часть рабочего времени простаивающего за кульманом. Присутствие в технологическом секторе конструктора само по себе создавало необычную обстановку. Вокруг него будто витала аура одухотворенности. Иван Иванович, обычно утопающий в грезах творчества, поворачивая в сторону коллег свою бычью голову, оставался к их приземленным проблемам безучастным. Он находился в полете творчества, и в такие минуты ему многое прощалось.

Светлане сразу захотела познакомиться поближе с добродушным чудачком:

– Иван Иванович, возьмите меня к себе в группу. Я буду хорошей ученицей.

Конструктор плотно сжал губы, посмотрел на чертеж, прикрепленный на кульмане, раздумывая над насущной задачей, потом стал часто моргать, будто и не слыша, вопроса. Затем выпятил вперед нижнюю губу, повернулся, посмотрел из-под густых бровей на Светлану и ответил:

– Светка, ты девчонка красивая, конечно, только не в моем вкусе. Я тощих не люблю.

– Так если надо, то я поправлюсь, Иван Иванович.

Иван Иванович, вновь возвращаясь из кратковременного творческого полета, направив карандаш к небу, лишь добавил:

– Вот с этого и надо начинать свой жизненный путь.

– Это почему же так категорично?

– Прости, – развел руками Иван Иванович: – Но я по жизни однолюб...

Так он всегда и говорил «прости», когда она обращалась к нему с вопросами. Пока, в конце концов, ей не надоело приставать к положительному отцу семейства, которого с истинного пути не могли сбить никакие соблазны.

Так они несколько лет жили и работали бок о бок, не обращая друг на друга особого внимания. Им не было дела друг до друга и от такого безразличия никому не было ни тепло, ни холодно.

Ну почему и зачем на ее пути стала эта непреодолимая скала? – думала Светлана. Эта глыба льда, этот дремлющий вулкан, который своим ровным, спокойным дыханием, напоминает об огромной энергии и силе, находящейся внутри него.

Светлане не давали покоя эти мысли. Она не могла найти на диване удобную позу, не лежала, а мучилась. Нужно было сбросить этот истощающий здоровье груз, отвлекаясь, Светлана потянулась и взяла в руки любимый журнал мод. Полистала, как газету «Правда», но утешения не нашла. Выкройки и те напоминали чертежи. Она отбросила журнал в сторону. Вспомнила о сумочке. Принесла ее из прихожей, открыла и достала диктофон. Красивый, словно игрушка, он всегда радовал своим изяществом. Его просто приятно было держать в руках, а нажимать кнопки и приводить в движение магнитную ленту, получая чистый звук, настоящий восторг. Светлана перемотала ленту и включила звук:

– Есть... Только мы клали на них большой с прибором серп и молот!!!

Неудачный момент. Светлана выключила диктофон. Она и не собиралась эти записи озвучивать кому бы то ни было. Просто хотелось получить удовольствие от мысли, что больше такой вещи ни у кого нет. Но почему-то сейчас этого удовольствия не получила.

Взглянула в окно, за которым светило солнце. Светлый весенний день был полон жизни и радужных надежд. Слышался детский восторженный крик и смех. На косогоре два маленьких велосипедиста, пытались покорить, возможно, первую для себя вершину. Глядя на них, Светлана почувствовала, что просто сидеть в четырех стенах своей квартиры уже больше не может. Человек действия, к которому удача и везение приходят во время поиска, не должен сдаваться. Значит, нужно было идти и творить.

Глава 5

Рога для машины

В девять часов утра оперативное совещание в кабинете у начальника отделения научно-исследовательского института началось с сенсационного сообщения. Два сотрудника отделения, два ведущих специалиста с обширной научной тематикой Ярыгин и Усков собираются на три летних месяца покинуть институт, и на весьма выгодных условиях отправиться в экспедицию, и не куда-нибудь, а в пустыню ловить змей.

Такую информацию начальнику отделения в полусутоливой форме, поглядывая в сторону своих коллег, подкинул начальник отдела электроники Потайчук Александр Андреевич. Сегодня ему как никогда нужно было отвлечь внимание начальства от насущных дел своего отдела. Честно говоря, с планом в отделе обстояло неважнецки. И дабы сгладить независящие от него шероховатости, Александр Андреевич нередко прибегал к подобного рода хитростям, превращая ответственное совещание в «клуб по интересам».

Два начальника отделов, девять начальников секторов, сидевшие в мягких кожаных диванах напротив начальника отделения повернули, головы и внимательно посмотрели на своего молодого коллегу, чьи подчиненные собирались в пустыню. Он лишь недавно защитил ученую степень и соответственно получил высокую должность начальника отдела нестандартного оборудования. Ему как новичку в обществе старожилов кабинетных баталий досталось место у самой двери.

– Как же так, Николай Валерьевич? – начальник отделения Василий Степанович Балашов, высокий, степенный, скуластый, поднял очки на лоб, удивленно округлил глаза и пристально оглядел подчиненных.

Николай Валерьевич бледный, засаленный кандидат наук, от неожиданности сжался в кресле. В своем дальнем углу, под лучами только что, будто на заказ, заглянувшего в комнату солнца, он оказался словно танцовщица на подиуме, впервые выступающая перед жадной до зрелищ публикой. Из-под толстых линз очков его голубые нервные глаза ловили каждое движение начальника. А руки непроизвольно стали теребить лацканы пиджака. Василий Степанович выпятил вперед нижнюю губу, неодобрительно потряс головой, отчего очки со лба съехали и упали на кончик носа. Он еще несколько минут задумчиво сидел, собираясь с мыслями, и, наконец, выдал:

– Так у нас весь институт поедет змей ловить.

– Да, надо сказать, условия хорошие. Сто процентов зарплаты сохраняется, плюс каждая голова змеи сто рублей. А в пустыне змей о-го-го... – Александр Андреевич условия изложил экспромтом, дабы развить тему. Проверять-то все равно никто не будет, а начальник отделения через пять минут обо всем забудет.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание. Смеяться или плакать? Пахать – пахали, картофель убирали, птичники строили, вот змей еще не ловили. В свете решения производственной программы все вполне правдоподобно.

Вероятность поездки специалистов в пустыню ни у кого не вызывала сомнений. Ярыгин и Усков работали в одном секторе, ведущими инженерами. Золотых рук мастера: в свободное от работы время ремонтировали автомобили. В тоже время имели написанные статьи, утвержденные НИИ авиационного приборостроения авторские свидетельства и заявки на изобретения. Правда, последние заявки явно противоречили ученой этике, и несколько смазывали общее солидное впечатление об авторах.

Дабы, пополнить копилку плановых ежемесячных заявок отделения на авторские изобретения Витя Ярыгин предложил легкой промышленности выпускать, по предложенным им

эскизам, носки-перчатки в количестве не менее 1 миллиона штук. Прилагался также расчет годовой экономической эффективности, которая по самым скромным подсчетам должна была составить 500 тысяч рублей. При этом окупаемость затрат два месяца. В графе преимущества перед аналогами было написано: 1. Продукция гигиенична, утрачивается необходимость в закупке импортных лекарств, от грибковых заболеваний ног. 2. После первого этапа носки (либо по усмотрению владельца) предлагается напалечники носков отрезать, что позволит увеличить срок носки носков в два, а то и в три раза.

Усков предложил медицинской промышленности изготавливать универсальное кресло-лавку, позволяющее процедуру очистки кишечника, то есть клизму, проводить десяти пациентам одновременно. Расчетный экономический эффект при запуске в серию 5 тысяч экземпляров составлял 10 тысяч рублей, окупаемость 12 месяцев. Цель изобретения: сокращение времени процедуры, и организация рабочего времени медперсонала.

Начальник отделения вызвал одного, затем другого шутника, пожурил и заявки оставил себе на память...

– Да.

Василий Степанович неодобрительно сжал губы.

– Николай Валерьевич, выясните, все, что касается отъезда, и проведите беседу, – на слове «беседу» он сделал ударение на последнем слоге. И после некоторого раздумья добавил: – А то мы так без специалистов останемся.

После того, как Александр Григорьевич Кридин услышал данную информацию, лицо его невообразимо вытянулось, отчего заметно поглупело. Он очень внимательно слушал Анатолия Андреевича, тщательно перерабатывал данную информацию, и прикидывал, какая же может быть производительность, то есть, сколько змей можно поймать за день? Кридин еще даже не представлял себе, насколько это сложно, но цифра 100 первой высветилась в голове. После того, как он в уме перемножил 100х100, цифра вознаграждения, для советского инженера получилась не реальная. При таком раскладе можно всю жизнь змей ловить. Никто бы тогда не работал. Поэтому, чтобы приблизиться к реальности пришлось один нолик в уме убрать. Тысяча рублей в день... – Александр Григорьевич задохнулся, как от недостатка воздуха. А еще реальнее: одну змею – до обеда, другую после – если уж совсем будет жарко. Двести рублей в день, шесть тысяч в месяц плюс сто пятьдесят рублей средне сдельной зарплаты. За три месяца без малого девятнадцать тысяч рублей заработка. Александр Григорьевич посмотрел на своего начальника отдела – блатного алкоголика, который, опаздывая на совещание, втиснулся и сел рядом с ним. «Да пропади ты здесь пропадом», – подумал Кридин и поморщился от сшибающего в нос винного перегара. У него учащенно билось сердце от внезапно появившихся перспектив. Вот это цифра... Конечно, надо отдать долги. В первую очередь тестю с тещей... Хотя все, что они давали – давали в первую очередь своей дочери и на безбедное существование бабушки. Доброй и отзывчивой, но не в меру любопытной и всегда с особым мнением – бабы Яги... Поэтому хрен вам. И всем остальным... Купить... Что купить? Тут не только на новую машину и кооперативную квартиру. Здесь и на мебель, и на дачу хватит сполна...

– Александр Григорьевич, как у Вас обстоит дело с договором? – Василий Степанович посмотрел вверх очков.

От неожиданности Кридин вздрогнул:

– Заключаем, Василь Степанович. Заключаем...

– Что значит заключаем?

– Протокол разногласий пришел, Василий Степанович. Новый договор готовить будем, – отчеканивал заранее заготовленные слова Кридин. Ни о каких производственных делах он думать уже не хотел, не хотел тратить время на это ежедневное, бесполезное, рутинное мероприятие. Его разум целиком и полностью захватила новая идея, сулящая небывалую прибыль,

высокий уровень жизни, а значит иное мироощущение и соответственную житейскую философию.

Кто из нас к этому не стремится, даже не думая о последствиях?

По большому счету, Александр Григорьевич любил свою работу в институте. Она доставляла ему радость. Окрыляла. В основе ее лежала, придуманная им идея, которую он сам же и воплощал. Да, профессия инженера окончательно для него утеряна. И уже никогда не решать ему задач по рационализации технологических процессов, по изобретению новых станков, машин, узлов и механизмов. Он давно мыслил иными категориями, масштабами отрасли, не один год, оттачивая стратегию действий. Он сумел отмести шелуху, снять накипь, добраться до сути вопроса и, манипулируя двумя-тремя критериями, получал многообразие вариантов, из которых во всех случаях выходил победителем. Смысл идеи был прост. Люди чаще и проворнее достают деньги на приобретение самого необходимого. Саша понял это еще два десятка лет тому назад, будучи студентом Автодорожного института. Поэтому, начиная свою трудовую деятельность в НИИ старшим инженером, он первым делом углубился в анализ. Он не поленился, просмотрел все заявки предприятий министерства за последние десять лет, бережно хранимые ведущими инженерами сектора механообработки, и выявил для себя наиболее перспективное направление в работе. Каждая вторая заявка не просто просила, требовала новый агрегатный станок. Саша затаил дыхание – вот где настоящий космодром. Через своего ведущего инженера, которому до пенсии оставалось несколько лет, он добился целевого финансирования и включения в план работы на целый год создание нового агрегатного оборудования.

Научно-исследовательский институт авиационного приборостроения подобными вопросами ранее никогда не занимался. Не имея многолетнего опыта, определенных творческих традиций, браться за создание подобного станка – явная авантюра. Но Саша с этим считаться не хотел, он был одержим идеей, а недостатки надеялся устранить, в ходе работы над станком. После того, как через три года в «металле» был изготовлен опытный образец, который даже не «зашевелился», Саша попросил дополнительное финансирование. Нельзя же оставлять работу незаконченной. Он был настолько убедительным, что с ним устали спорить просто махнули рукой: пусть работает молодой ведущий инженер, энергии много, помучается, со временем остепенится. Но когда агрегатный станок на холостом ходу, без обрабатываемой детали, стал подавать признаки жизни, Александр Григорьевич окончательно вдохновился и попросил выделить финансирование на следующее поколение станков. Доцент Богославский попытался урезонить молодого подающего надежды специалиста:

– Коллега, что вы хотите еще сделать с этой машиной? Колесики приделать или бензобак? Если хотите, можем рога пририсовать...

И доцент демонстративно, ручкой вносил в чертежи свои веселые фантазии. Хотя был он всего на два года старше Кридина и, на тематику своих диссертаций денег не жалел, изготавливал на экспериментальном участке пятое и шестое поколение перспективных установок по очистке масел.

Александр Григорьевич Кридин к такой постановке вопроса был готов, он четко аргументированно изложил информацию о недостатках станка, которые необходимо устранить, и в дополнение приложил «портфель» заказов, присланных со всех уголков страны.

Конечно, и второе поколение станков было далеко от идеала, которого требовали заказчики, но если на его станину положить высоко точную деталь, то можно даже самому поверить, что изготовлена она на агрегатном станке нового поколения производства научно-исследовательского института. В этом-то и состояла главная идея. Представленный на выставке достижений народного хозяйства станок привлек внимание и интерес представителей многих предприятий отрасли. А уж когда специалисты предприятий получали на руки для ознакомления технические характеристики перспективного оборудования, у них просто загорались глаза от близости осуществления вожделенной мечты.

Просчитывая свои ходы, словно в шахматной игре, Кридин не стал отдавать чертежи на изготовление станков заводам, специализирующимся на выпуске подобной продукции. Это был бы самый простой и самый глупый вариант, на который его подталкивало начальство. Нет, он изготовил узлы и механизмы станков по кооперации, а сборку осуществил в стенах института, причем использовал для этого деньги заказчиков. И десять станков стали собственностью института. Он их отправил сначала одному заказчику, и те, не получив желаемого результата, вернули их в институт. Затем бригада слесарей перекрашивала станки свежей краской, и они отправлялись к другому заказчику, чтобы пробыть там ровно столько времени, сколько требовалось местным специалистам, чтобы понять, что им со станками не повезло. Ввязываться в судебные тяжбы за общественную собственность никто не стал. А кто захочет афишировать свою техническую безграмотность? Посидев с Кридиным за круглым столом в теплой компании, специалисты понимали: он хороший парень – и шли ему навстречу, составляли протокол разногласий, который предусматривал для них, хоть какую-то компенсацию в виде остаточной стоимости станков. А для вышестоящих инстанций отказ от станков четко аргументировался уменьшением объема производства в связи с уменьшением заказов.

Разница между стоимостью станков и их остаточной стоимостью составляла прибыль, от которой и начислялась премия работникам института. Поначалу руководство и коллеги по работе как будто бы не хотели иметь ничего общего с заработанными не честным путем деньгами. Но голод не тетка, а денег много не бывает, и кто от них, когда отказывался. К тому же можно в данном случае быть не сведущим, благо есть ответственный человек.

Александр Григорьевич прекрасно это понимал, от того-то и обидно ему было в двойне, что начальство так жестоко с ним обошлось. Он сам уже стал ощущать усталость от гонки за потенциальным заказчиком, от постоянного лавирования в щепетильных ситуациях, от груза ответственности, из-за которого при нежелательном повороте судьбы можно оказаться в местах не столь отдаленных.

Но разве он хотя бы на один день останавливал работы по совершенствованию агрегатного оборудования? Не привлекал к этой работе все новых и новых специалистов? Не внедрял в металл последние идеи? А откуда он должен взять на это деньги? Все почему-то считают, что советский изобретатель должен работать за идею и питаться святым духом, что его творческая мысль ничего не стоит. Это ведь идиотизм, принятый за аксиому всем обществом. Не обедняет наша промышленность, если выделит немного средств на научные изыскания, которые проводятся для ее же развития. Конструкторы и технологи, наладчики и электрики изо дня в день трудятся над доработкой станков. Чертят и изготавливают комплектующие, которые должны обеспечить требуемые параметры. Конечно, суперточные шпиндельные головки можно купить у заводов монополистов за рубежом. Но Кридин в этом ракурсе вопрос не рассматривал. С какого перепуга он будет обеспечивать работой иностранных рабочих и специалистов, в то время когда наша наука и производство сами нуждаются в финансировании. Да, честно говоря, и денег таких никто ему не даст.

Обидно... Обидно за то, что государство по достоинству не оценивает труд инженера, и ему приходится искать заработок на стороне. Как будто – это не профессиональная работа, а хобби. Но какое отношение со стороны общества – такие и результаты.

Вернувшись с совещания, Кридин опустился в кресло, посмотрел на лежащие перед ним бумаги и поморщился: нужно было просмотреть ряд договоров, составить протоколы разногласий, определиться со сроками выполнения работ. А это не так просто, если учитывать, что станков десять, а заявок сто. Станки не успевали, при всех скрупулезно сделанных расчетах, точно в срок прибывать от одного заказчика к другому. Был случай, когда один промышленный гигант, заплатив всю сумму разом, с внедрением станков в производство не спешил и, может быть, даже об их существовании забыл бы, если б Александр Григорьевич не напомнил. Вот уж где пришлось поволноваться. Естественно, деньги, полученные за внедрение стан-

ков, быстро перераспределили в жирные премии сотрудникам, которые терпеливо стали ждать следующего поощрения, как чего-то само собой разумеющегося. Но Александр Григорьевич знал, как, впрочем, и все остальные, что сначала станки после рекламации должны вернуться в институт, пройти профилактику, затем отправиться к новому заказчику, и только после этого можно рассчитывать на авансовый платеж. Как же пожалел Кридин в тот момент, что нет у него больше станков, что все вырученные деньги он не вкладывал в развитие своего дела – в изготовление станков, а рассовывал по карманам. При этом в свое оправдание он указывал в сторону начальства:

– Можно с ними, что-нибудь серьезное затевать? Или дела серьезные делать?

Хотя понимал, что вина в данном случае его. Поэтому в спешном порядке думал как выправлять положение. Была создана бригада из трех слесарей, инженера и техника, и отправлена на завод для «сервисного» бесплатного внедрения станков в производство. Никакие доводы руководства промышленного гиганта типа: мы все сделаем сами, зачем тратиться на дорогу, и тому подобное – в расчет не шли. Бригада быстро развернула работы по внедрению оборудования и в течение месяца «доказывала» нерадивым хозяевам, что станки не пригодны к работе, и нужно их отправлять в институт на доработку. По-видимому, поначалу доводы, были не слишком убедительны, (Кридин чуть было не отчаялся) и заводчане с ухмылкой «обнадежили» слесарей: «Это мы и сами в состоянии доделать».

Но молодец Петрович, догадался и остановил с помощью отвертки и ключа на десять движение всех шпиндельных головок.

Этот случай, почему-то всегда приходил на память, когда в делах что-то не клеилось, им овладевало чувство досады и сознание того, что труд его не рентабельный, и та премия, которую ему выплачивают, должна быть на порядок выше. Наконец Кридин углубился в анализ присланного договора, просмотрел протокол разногласий и недовольно покачал головой: заказчик просил уменьшения объемов финансирования ровно наполовину. Александр Григорьевич ждал уменьшения, но рассчитывал, что оно составит одну треть от объема договора. Такое уменьшение было запланировано: заказчику взамен предлагался компромиссный вариант в виде увеличения авансовой стоимости всего договора. «Учитывая человеческий фактор», коллектив выигрывал тысяч двадцать, и на этом работа с заказчиком заканчивалась.

Александр Григорьевич неуверенно вывел на листке бумаги цифру десять, подумал и приплюсовал еще пять. Итого 65 тысяч рублей. Он еще некоторое время рассматривал новую цифру, довольный своим решением, потом перевел взгляд на женщин, любовался поочередно каждой, затем вспомнил, что теперь он не хозяин этих денег, не начальник для очаровательных сотрудниц – и сосредоточил все мысли на новом перспективном предложении по отлову змей.

Организаторским талантом Бог его не обидел. Вот только Александр Григорьевич, как ему казалось, распознал его слишком поздно. Хотя прекрасно понимал, что в производстве организаторский талант это, прежде всего, жизненный опыт и житейская мудрость, которые приходят к человеку с годами.

Кридин был уверен: человеческая сущность по большому счету примитивна. Безусловные рефлексы, естественные инстинкты, данные нам в наследство, плюс алчность и завистливость – это и есть главные движущие рычаги в поисках счастья. Верно манипулируя ими, всегда можно добиться нужного результата.

Но в тоже время, Кридин хорошо усвоил, что потребности присущие человеку, распределены далеко не в равных пропорциях. Одному дышать свежим воздухом – уже счастье земное, другому при всем кажущемся благополучии жизнь не в радость. Одному и денег не надо – он с утра до вечера будет работать, а другого золотом осыпь – с дивана не поднимешь. Поэтому у каждого свой стиль жизни.

В институте с подобными недостатками Кридин мог мириться. Не он ведь, в конце концов, работников нанимает на работу. Но когда дело касалось неурочных, аккордных работ, Александр Григорьевич был непоколебим. Моральные уроды, лодыри и прочие могли не волноваться. Александр Григорьевич предпочитал общество единомышленников и трудяг. Причем одно и другое в человеке должно было присутствовать в обязательном порядке.

Вот взять, например, Чаплыгина, вроде грамотный специалист, работяга. Но что можно от него ожидать в случае расхождений во мнении? Другому человеку трудно себе представить, а Кридин в голове быстро выстраивал логическую цепочку от предательства до кляуз во все имеющиеся инстанции. Поэтому как ни умолял Чаплыгин приобщить его к общему прибыльному делу, как слезно ни клялся в дружбе на веки вечные, Кридин на уговоры не поддавался. Потому что на своем горьком жизненном опыте осознал – человеческую сущность переделать нельзя.

Людей он выбирал скрупулезно и непреклонно. Прежде всего, своих единомышленников, которые доверяют тебе свою судьбу, свою жизнь и всегда уверены, что ты их не подведешь ни при каких обстоятельствах.

Такой коллектив у Кридина был. Он сложился не сразу, через призму проб и ошибок, пройдя естественный отбор в полевых условиях.

После отчаянного призыва партии: «На помощь деревне!» и опубликования «Продовольственной программы» Кридин безошибочно почувствовал запах денег. Необходимо было теперь только найти сокровищницу и протоптать к ее недрам тропинку. В одночасье это не делается. Здесь требуется фундаментальный подход, с кропотливой изыскательской работой, приобретением необходимых связей и опыта. Кридин предпочитал осваивать все одновременно в процессе проведения работ. Каждый год он стал принимать участие в битве за урожай, выбрав полем сражения подшефный совхоз «Путь Ильича». То строил курятники, то художественно оформлял деревенский клуб и даже пытался сесть за комбайн и трактор. Да разве он сам мог упомнить все свои новаторские идеи!

Совхоз находился в сорока километрах от города. Ни в правофланговых, ни среди отстающих предприятий области не числился, так жил как все на дотациях государства.

Техника!

На ремонте и на полях

Скотина!

На тонких ногах

Народ!

От безделья пьет...

Ворует...

И плачет, что плохо живет.

В общем, для предприимчивого человека не паханое поле.

Саша одним из первых от института поехал помогать селу. Сначала на прополку лука и сбор урожая яблок. Затем после теплого знакомства с руководителями низшего звена заключил договора по поставке запасных частей на сельскохозяйственную технику, которые делал в стенах института. Ну, а уже с прошествием нескольких лет, после знакомства с председателем совхоза, открылись двери во многие, не решенные проблемы хозяйства. И Александр Григорьевич по возможности их решал, и все его устраивало. Зарплата в институте сохранялась, работа спорилась, и люди попадались все больше душевные. Один был недостаток – не те масштабы. Ну, выдерет он из этого совхоза сотню-другую рублей в месяц. На двадцать посидят с председателем в ресторане, поговорят за жизнь. Машину-то новую на эти деньги не купишь. Вот, может быть, новое мероприятие по отлову змей решит проблему. Приятные перспективы явственно отобразились в сознании, и Кридин расплылся в улыбке от обилия нахлынувших чувств. А если там же на месте организовать заготовительное производство для фармацевти-

ческой промышленности, плюс полуфабрикаты из съедобных змей через Внешторг для столовых Северной Кореи, а еще змеиную чешую для галантерейных фабрик. Прибыль увеличится еще минимум втрое...

Все-таки как устроена жизнь и сам человек. Нужно только трудиться, отбросив лень; поставить перед собой цель – и судьба сама укажет тебе верный путь.

Кридин подумал, что справку, как обычно, поможет получить ему жена, без особых проблем. В профсоюзе через Маргариту Федоровну он добьется положительного решения для отправки бригады по отлову змей по предложенным им спискам. Марго, в прошлом «боевая» студенческая подруга, не подведет. Когда-то она начинала трудовую деятельность рядовым инженером на тампонажной фабрике. После отданных на благо государства трех лет отработки перешла работать в научно-исследовательский институт. В институте нашла свой круг общения среди тех, кто в выборе профессии ориентировался, прежде всего, на получение высшего образования, не важно какого. Маргарита всегда оставалась добрым, отзывчивым человеком. Это по достоинству оценили коллеги по работе и поручили ей ответственный пост в профсоюзной организации института. В большом коллективе советских интеллигентов угодить всем довольно сложно, но Марго это удавалось. Она всю душу отдавала трудящимся массам.

Александр Григорьевич глубоко вздохнул, отыскивая в своей памяти приятные картинки воспоминаний. Но тут же их отогнал. В душе нетерпеливо гремел звук пионерского горна, трубившего общий сбор.

Глава 6

Подарок судьбы

Вася Понкратов, слесарь VI разряда опытного производства, старался, как можно реже покидать свое рабочее место. Благо все необходимые условия для этого были. Ружейных дел мастер имел в институте привилегированный статус, для его «ювелирного творчества», по негласному распоряжению начальника института, был выделен экспериментальный участок с уникальным оборудованием и табличкой «Посторонним вход воспрещен». Здесь Вася воплощал в жизнь мечты и идеи высокопоставленного начальства, а заодно и свои.

Все началось давно и как будто бы случайно, как и все в этой жизни. Тихоню и беспробудного троечника Васю после окончания восьми классов средней школы лишили возможности продолжать образование. Впрочем, он и сам к этому не стремился, и отправился получать рабочую специальность в профтехучилище. Здесь он осваивал профессию токаря широкого профиля. Так как бойкие ребята отлынивали от общественных мероприятий, а для галочки их проводить было нужно, то в качестве палочки-выручалочки преподаватели использовали Васю Панкратова. За это он получал грамоты, дипломы, повышенную стипендию в пятьдесят рублей, его фотография занимала постоянное место на доске почета профтехучилища. Блестящая характеристика плюс список поощрений, приложенных к личному делу, в райвоенкомате сыграли не последнюю роль при распределении призывников на срочную военную службу. Васю направили в секретную лабораторию по проектированию и изготовлению новых видов стрелкового оружия. Правда, первые полгода он больше мыл полы и чистил сапоги старшему сержанту Загорулько. Но и это в жизни должен освоить настоящий мужчина, для того чтобы сформировалась жизненная философия и служба медом не казалась. А что такое полгода службы – это беззаботная молодость, когда плохое воспринимается со смехом, а хорошее, как познание смысла жизни. Вася так все и воспринимал. Именно на воинской службе он открыл для себя секреты мастера – ружейника. Офицеры и сержанты поручали Васе изготавливать детали новейших образцов оружия. При его непосредственном участии рождалось оружие, в котором воплощались идеи – Высшего разума, дающего гениальные ответы на сверхсложные задачи. Вася впервые почувствовал себя творцом и влюбился в новое дело, набравшись опыта, стал сам проектировать и создавать образцы оружия. Почему он не остался в вооруженных силах? Для всех это так и осталось загадкой.

Когда он пришел из армии, неподалеку от его дома ввели в эксплуатацию первый корпус научно-исследовательского технологического института. Васе предложили неплохие условия для работы. Как говорится, от добра, добра не ищут. Вася согласился и не пожалел. Трудолюбивые руки мастера всегда в цене. Он определил для себя правило: любую работу делать качественно, нести за нее ответственность. Это по достоинству оценили и ввели его в ближний круг с начальством. Вася это воспринял почти как должное, его радовало другое – он мог спокойно заниматься своим хобби, продолжать начатое в армии. В свободное от заказов время он точил детали по сделанным им эскизам, из уникальных материалов, предназначенных для изготовления космических летательных аппаратов. Он по-настоящему творил. Из него фонтаном била изобретательская мысль. И как бы шутя, за десять лет работы в институте у него дома и в гараже скопился целый арсенал уникального стрелкового оружия. Он изобрел и изготовил маленький автомат, наподобие УЗИ, который по своей скорострельности и точности попадания не имел себе равных в мире. Кроме того, что он унифицировал автомат под патрон от мелкокалиберной винтовки, он изобрел оригинальное устройство выброса отработанной гильзы, которое при работе никаких сбоев не давало. Когда он по уши влюбился в свою будущую жену, то изготовил и преподнес ей несколько дамских пистолетов, но Светка подарка не оценила и,

хихикнув, то ли от застенчивости, то ли от испуга, вернула творение назад. Возможно, это стало знаковым событием в его судьбе, потому что супружеская жизнь не сложилась. Это ведь не автомат сделать и собрать. Здесь другой подход и другие инструменты, которые Вася, как не старался, подобрать не мог. Любил он свою Светку, вопреки здравому смыслу, назло перешептываниям баб, вопреки насмешкам мужиков, которые уверяли, что у его жены бешенство матки. Злой все-таки у нас народ. Поговорили бы да ладно. Но ведь покоя не дают. От них-то Вася и прятался за дверь «Посторонним вход воспрещен».

Больше других досаждал Васе техник из отдела электроники Петька Ширяев. Он подкарауливал Василия в курительной комнате и выплескивал весь запас гнусностей, рожденный экспромтом или заготовленный заранее. И слова были подобраны самые язвительные, от которых Васе становилось не по себе. По всем мужским канонам Петьке нужно было разбить физиономию. Вася Панкратов без сомнения так бы и сделал. Но Петька был выше на две головы, атлетически сложен и моложе лет на пять. Знал Вася, что если бы хоть что-нибудь было у Петьки со Светкой, никогда бы не стал Ширяй зубоскалить на эту тему. А достает он Василия, потому, что обидела Светка его мужское достоинство. Вот он в отместку ей придумывает всякие небылицы, в присутствии сотрудников рассказывает про ее любовников. С кем, когда и где. А такие же, как он, подонки, ржут, точно кони.

Вася появился в курительной комнате перед самым обедом, когда уж мочи не было, так хотелось в туалет. Можно и нужно было бы выбрать для своих нужд другое заведение: этажом выше или этажом ниже, но Василию так не хотелось ощущать себя трусом и идти на компромисс со своим внутренним достоинством.

Хотя дискуссия на тему ловли змей закончилась, народу в курительной комнате было больше обычного, и дым стоял коромыслом, аж глаза режало. Вася под общий гомон решил проскочить до унитаза, но Петька, словно охотник, зорко выслеживающий дичь, был начеку и своего шанса не упустил.

– Вот главный змеелов пришел. Дайте ему с условиями ознакомиться. А то за своей бабой шухарит день и ночь, счастьем людскому мешает.

Васю от Петькиного красноречия начал пробирать привычный озноб. Кончиться это когда-нибудь или нет. Уже в туалет не дадут спокойно сходить.

– Понкрат, освобождай квартиру, а то жена по кабинетам устала таскаться. Бычок замучился у мужиков ключи стрелять, чтобы естественные надобности справить.

Бычком звали начальника стройцеха, в прошлом старшего инженера технологического отдела промышленной частоты, Пестуна Евгения Алексеевича. После женитьбы он взял фамилию жены и стал Бычковым. Это был упитанный мужчина лет сорока, в самом соку мужской похоти, о которой по институту ходили легенды, и с которой хотели познакомиться, казалось все женщины института. И не только.

Вася, будто после бани принял ушат холодной воды. Выскочил из туалета в коридор, трясущийся, как от озноба, пробрался в комнату и спрятался в своем углу, подальше от мужиков, которые уже помешивали на столе кости домино, вели в преддверии азартных минут шуточные разговоры, но к игре не приступали в ожидании положенного часа.

А может быть, и в правду уволиться. Податься куда-нибудь на край света. Да хоть бы и змей ловить. Жаль только бросать все из-за какого-то подонка.

Как же ему хотелось двинуть Петьке по физиономии, сказать что-нибудь столь же оскорбительное, чтобы этот хам мог испытать в полной мере подобные душевные муки: боль, испепеляющую любовь к женщине, умирающую веру. Да и есть ли у такого подонка душа? Или на ее месте подобие Бермудского треугольника? Поэтому и жаждет он человеческих страданий.

Ах, не было бы этого Петьки – Василий чувствовал бы себя счастливым человеком. Никому зла он не желал. Ни жене, ни ее любовникам, если они у нее есть. Даже Петьке, лишь бы тот не приставал и не смеялся. Ведь все необходимое для счастливой жизни у Василия было:

уютная квартира, любимая работа, очаровательная дочь, красавица жена. Что еще не хватает? Может быть, только силы духа, чтобы давать достойный отпор подлости.

Он никак не мог понять: почему его не посещает желание делать людям недоброе, сплетничать о них, интересоваться их семейной и интимной жизнью? По большому счету, ему вообще не было дела до того же Петьки, Бычкова и им подобным. Чем они живут? Что ими движет? Кого любят? Почему же они безнаказанно вторгаются в его жизнь? И, наконец, почему его жена дает повод для таких пересуд?

Вася Понкратов мучительно искал ответы на простые житейские вопросы и не находил. Слова Петьки слишком больно задели за живые струны его души, и музыка сердечных страданий мучила сознание. Вася никак не мог заглушить ее в своем сердце, хотя был опытным и стойким борцом, презирающим людскую зависть и наушничество. Всегда ему, без особых на то усилий, удавалось, погрузившись в работу, забыть скверные слова, унижающие его мужское достоинство. Но сегодня, справиться с чувствами, обжигаящими грудь, не удалось: перед глазами, словно наяву, появлялась лоснящаяся, самодовольная физиономия борова – самца Бычкова, творившего непристойности с его женой Светкой. Болезненное самолюбие перекручивало в голове сюжеты по несколько раз с каждым последующим уточнением и добавлением картинок разврата. Вася хотел было по привычке спрятаться от мерзкого, несправедливого, падшего мира за завесой творчества, но отработанный до автоматизма механизм защиты почему-то дал сбой. Он не находил себе места: то рассматривал чертежи, то брал в руки готовые детали или заготовки, неосознанно крутил ручки то одного, то другого станка, а то вдруг, уставившись в окно, смотрел в одну, неосознанно выбранную, точку в бескрайнем безоблачном небе.

– Василий! – попытался достучаться до его внимания коллега по цеху слесарь – многостаночник пенсионер Прокоп Кузьмич. – Ты, голубчик, где у нас там летаешь?.. Похарчевался!? Идем – пару мне составишь.

– Да все нормально Кузьмич, играйте пока без меня, – отмахнулся Вася и начал зачем-то крутить следующую ручку станка.

Прокоп Кузьмич – «воробей стреляный», да и жизнь прожил ни по учебникам, и что такое дура – баба в семье читал не в книжках.

Общаться с Прокопом Кузьмичом всегда не только интересно и весело, рядом с ним приобретался необходимый душевный покой. Его рассудительность, житейская мудрость и фундаментальность суждений притягивали к нему различных людей. Для каждого он находил доступные слова. Васе Понкратову оставалось лишь удивляться разносторонним познаниям пожилого необразованного человека. А так же отношению Прокопа Кузьмича к людям: ясному, четкому, а кроме того, непоколебимому. Если уж он Мишку Шохина не любил, то и скрывать этого не собирался.

Поначалу Василию казалось, что это не что иное, как конфликт поколений, непримиримость рабочего класса и интеллигенции, антагонизм науки и советского производства. Но потом понял, что это лишь ширма или завеса скрывающая неприятие человеческого естества.

Кузьмич опираясь на свой богатый житейский опыт всех людей делил на группы по очень странным признакам, на которые, кроме него, никто внимания не обращал. Василий считал, и так его учили в школе и в армии, основными критериями являются отношение человека к труду, к окружающим его людям. Кузьмич вроде бы с этим соглашался, только объяснял:

– Ты знаешь, Василий, жизнь не такая простая штука. В наше время повального вранья любого лодыря могут представить как труженика и орденоносца, а последнего проходимца объявить служителем интересов народа. Куда важнее знать, что человека волнует, к чему он стремится, и какими методами он достигает поставленной цели. Вот ты возьми своего друга

Мишку Шохина. Ведь он ради своей карьеры по головам людей будет идти и не остановится. А сколько таких беспринципных, как твой Мишка?

Василий терялся в догадках: зачем и для чего Мишка приходил в обеденный перерыв в удаленную от чужих глаз комнату и терпел язвительные замечания старика? Ведь прекрасно знал, что Кузьмич его недолюбливает. Предлог-то был: поиграть в домино. Но обычно люди проводят время в приятной для себя компании. А здесь Мишка выслушивал про себя такие нелюбезные вещи. Василий обычно смеялся вместе со всеми доминошниками, но в душе все же поддерживал Мишку. И считал, что Кузьмич не объективен. Мишка протаптывал себе жизненную дорожку точно так же, как и многие его сверстники.

Родители Шохина, простые инженеры, вряд ли бы смогли помочь ему достичь каких-либо высот на трудовом поприще. Да и талантами особыми Бог его не одарил. Вот Мишка и приспособлялся к реалиям жизни, и старался брать от нее все, что мог.

– Молодец!

Василий, сравнивая себя с Мишкой, отчетливо осознавал, что такой целеустремленности в его характере просто не было.

Вскоре после окончания института, познав тяготы работы мастера механического цеха одной незатейливой шараги и окончательно разуверившись, что это именно то, что предназначено ему судьбой, Мишка бежал в лоно науки, при этом не забыв на заводе вступить в кандидаты в члены Коммунистической партии. В институте он грамотно использовал свои преимущества перед новыми коллегами. Молодых и не только молодых кандидатов и членов партии из числа научных работников в научном учреждении было не так много. Их прием ограничивают, чтобы соблюдать процент интеллигентной прослойки. Мишка со своей обаятельной внешностью комсомольского вожака, развернул в институте бурную деятельность: сдал кандидатский минимум, выступал на партийных собраниях, подружился с сыном начальника института и его окружением. Строил, как мог свою дорогу счастья и благоденствия. Строил не безуспешно, на зависть многим. Вот и Кузьмич при каждом удобном случае подтрунивал над Мишкой.

Но Василий, как и многие, тянулся к старику, и в минуты печали и тревог шел к нему за советом. Шел отогреть сердце, освободиться от жгучей боли и сковавшего душу льда людской злобы. С ним было тепло и уютно, и Василий, чтобы отогнать душившие его спазмы ревности, решил сегодня немного посидеть и послушать, о чем же сегодня будет полемика между Мишкой и Кузьмичом.

Мишка, громко хлопнув тяжелой стальной дверью, ворвался в комнату за минуту до начала обеденного перерыва. Запыхавшись от бега, он хотел было Кузьмичу предложить свои услуги партнера в игре. Но Прокоп Кузьмич опередил его желание:

– Двигайся, Иван, будешь со мной сегодня играть.

Иваном Кузьмич звал своего друга и соседа по квартире Ивана Митрофановича. Тихий, скромный, ничем не приметный трудяга работал на экспериментальном участке и был на несколько лет моложе Кузьмича.

– Пусть молодежь потягается со стариками...

– Вечно ты, Кузьмич, как старый революционер, оппозиционные структуры создаешь, – вступил в полемику расточник Юра Уткин. Ему было чуть за сорок, но из-за больших габаритов и весомости он причислял себя к старшему поколению. Да и все уже давно его звали по имени отчеству Юрий Саныч. Ему это определенно нравилось, поэтому после слов приветствия, он обычно знакомому как бы предлагал свои услуги:

– Жалуйся.

– Давай, давай верти костяшки, как следует, революционер.

Однако грань в словесной перепалке между собой Кузьмич с Юрой Уткиным не переступали. Кузьмичу это было неинтересно, а Юрка авторитетного оппонента побаивался.

Василий подошел и сел рядом с Мишкой на длинную деревянную скамейку, когда игроки уже по разу громкими ударами по столу обусловили свои ходы. Вскоре подошел и Коля Брагин – инженер-технолог, приятель Мишки Шохина.

– Васек, давай с тобой войдем следующими? – предложил он, оповещая играющие команды, что игра идет на вылет.

Василий утвердительно кивнул.

– Ты, что же Мишка теперь у нас член?!.. – ядовито произнес Кузьмич и, внимательно разглядывая костяшки домино, умышленно сделал длинную паузу, раздумывая над ходом. Наконец, громко опустив одну из них на стол, завершил вопрос: – Коммунистической Партии Советского Союза?

Мишка от неожиданных и неприятных ассоциаций вздрогнул, но, услышав вопрос до конца, расслабился и отрапортовал:

– Еще только кандидат, но надеюсь скоро стать полноправным членом партии.

– Пол-но-прав-ным?.. – в вопросе Кузьмича послышалась большая доля сарказма. – Ну, и дурак!

Кузьмич ударил по столу следующей костяшкой.

– Почему же это дурак? – Мишка просил разъяснений, потому как считал свой шаг вступления в партию одним из самых удачных мероприятий в жизни.

– Потому и дурак, что этого не понимаешь... – Кузьмич сделал еще одну интригующую паузу, будто захваченный перипетиями игры, но все же не заставил себя долго ждать и добавил: – Какой же умный добровольно будет записываться в сатанисты? Ладно бы, тебя туда силком тянули. Можно было понять. А так дур-рак да и только...

Кузьмич вновь ударил костяшкой о стол.

– Ты ведь хочешь весь мир обмануть, а получается всегда так, что обманываешь ты самого себя.

– Ты, что же, Кузьмич считаешь, что у нас третья часть населения в стране дураки? – Мишка старался достойно противостоять проискам оппонента.

– Да, что ты, окстись... Если бы у нас только треть была дураков, нам бы жилось легко и радостно... А так от полнейшей дури тоска.

– В чем же дурь, Кузьмич? В том, что порядочные люди объединяются?

– Порядочным людям незачем объединяться... Порядок, прежде всего, в душе человека... Им партийная дисциплина не нужна. Она у них в сердце и голове. А в твоём сборище у каждого есть потаенный смысл. Вы его друг от друга в глубине души прячете, врете сами себе через слово и других заставляете жить по вашим правилам. Какой уж здесь порядок может быть?

– Кузьмич, а ты не боишься, такие разговоры вести? Можно за крамолу попасть в места не столь отдаленные...

– Можно, только я-то жизнь свою уже прожил, а тебе еще жить да жить. Дуракам поверь, только в сказках хорошо... Ты вот записался в сатанинскую партию, не отдавая себе отчета, и думаешь, что это пойдет тебе во благо. Но ты ошибаешься, можешь даже в этом не сомневаться.

– Время нас рассудит, Кузьмич, – Мишка больше не хотел вступать в полемику, и уж тем более ссориться со стариком. Но и сдаваться не хотел. Он ведь шел в партию по убеждению.

– Так оно нас уже рассудило.

– Каким же образом?

– А таким... Рыба!... – Кузьмич громко ударил костяшкой по столу.

– Считай, что у тебя осталось.

– Да, ладно тебе, Кузьмич, будя над мальцом изгаляться, – вступился за Мишку Иван Митрофанович.

После Мишкиных угроз в адрес Кузьмича он почему-то сразу подумал о семье, о детях, о своем будущем и вовсе не хотел никаких в жизни осложнений. Его все в этой жизни вполне устраивало. Дача, машина есть. Крыша над головой есть. Что еще человеку нужно?

– Ты сиди и варезку не разевай. Покуда тебя не спрашивают. А то будет тебе ладно... Эти обезьяньи выкормыши партбилетами прикроются и мнят себя хозяевами жизни... Вот ты его спроси: от кого произошел человек? И что он тебе на это ответит?

– Да, не слушай ты его? – обратился к Мишке побледневший от чрезмерного волнения, Иван Митрофанович.

– Я пойду, пожалуй. А то мне еще инструмент надо подготовить.

– Сиди, – остановил его Кузьмич.

– Да нет уж, лучше пойду.

– Сиди! – повысил голос старик.

– А какая разница, Кузьмич, от кого произошел человек? – уступая свое место Коле Брагину, спросил Юрий Саныч.

– Вот именно, – вторил ему Мишка, намереваясь уступить место Василию. Но Вася жестом предложил ему оставаться на месте и играть.

– Ведь самое главное не кто ты, а какой ты... – Мишка тщательно перемешал домино, отобрал себе для игры семь костяшек и, разглядывая их, продолжил: – Мы ведь с тобой, Кузьмич, к единому мнению в этом вопросе все равно никогда не придем. Для тебя научные открытия ученых мирового уровня ничего не значат.

Мишка закончил свою тираду язвительным замечанием в адрес старика.

– Ученых мирового уровня... – Кузьмич положил свои костяшки на стол: – Смотри каких слов-то нахватался, чтоб дурь свою прикрыть, будто с ними в один ряд записался... А книжки, не бойсь, мы не меньше тебя читаем. И если для тебя, и таких, как ты, нет разницы, кого считать своими предками, для меня это вопрос первостепенный, потому как ответ на него и определяет нашу жизнь.

– Это, каким же образом!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.